

REFORMA / РЕФОРМА

International Scientific Economic Journal / Международный научный экономический журнал.

Owner / Учредители

Kyrgyz-Turkish Manas University Faculty of Economics and Management/
Кыргызско-Турецкий университет «Манас», факультет экономики и управления

Editor / Редактор

Prof. Dr. Jusup Pirimbaev / Профессор Жусуп Пиримбаев.

Scientific Editor / Научный редактор

Member of the National Academy of Science of Kyrgyz Republic Turar Koichuev.
Академик Национальной академии наук Кыргызской Республики Турар Койчуев.

Executive Editor / Исполнительный редактор

Nina Darovskih / Нина Даровских.

Associate Editors / Помощник редактора

Assist. Prof. Dr. Razia Abdieva/исполняющая обязанности доцента Разия Абдиева
Assist. Prof. Dr. Damira Baigonushova / исполняющая обязанности доцента Дамира Байгонушова

Editorial Assistant / Ассистент редактора

Kayahan Küçük

Field Editors / Ответственные по направлениям

Prof. Dr. Damira Saparova / Prof. Dr. Damira Japarova / Проф., д-р Дамира Жапарова
Doç. Dr. Turusbek Asanov / Assoc.Prof. Dr. Turusbek Asanov / Доц. Турусбек Асанов
Doç. Dr. Tezcan Abasız / Assoc. Prof. Dr. Tezcan Abasız / Доц. Тезжан Абасыз
Yrd. Doç. Dr. Aynura Turdalieva / Assist. Prof. Dr. Aynura Turdalieva / Исп. обяз. доц. Айнура Турдалиева
Yrd. Doç. Dr. Zamira Öskönbayeva / Assist. Prof. Dr. Zamira Oskonbaeva / и. о. доц. Замира Осконбаева
Yrd. Doç. Dr. Бурулча Сулайманова/ Burulcha Sulaimanova

Editorial Board / Редакционный совет

Prof. Dr. Meerim Kochueva / проф. Мээрим Койчуева
Prof. Dr. Jumabek Jailov / проф. Жумабек Джайлов
Prof. Dr. Akmatbek Ismanov / проф. Акматбек Исманов
Prof. Dr. İbrahim Halil Sugözü / проф. Ибрахим Халил Сугөзү
Prof. Dr. Valentina Kasymova / проф. Валентина Касымова
Prof. Dr. Umedjon Hikmatov / проф. Умеджон Хикматов
Prof. Dr. Alisher Rasulev / проф. Алишер Расулев
Prof. Dr. Keneshbek Almakuchukov / проф. Кенешбек Алмакучуков
Prof. Dr. Akylbek Umetaliev / проф. Акылбек Уметалиев
Prof. Dr. Altynbek Moldashev / проф. Алтынбек Молдашев

Publication Frequency / Периодичность

The journal “Reforma” has been published since 1999 and it publishes 4 times a year. It is a peer reviewed journal.
Журнал «Реформа» издается с 1999 г., выходит 4 раза в год. Является рецензируемым журналом.

Publisher / Издатель

Kyrgyz-Turkish Manas University, Department of Economics / Кыргыз.-Тур. ун-т «Манас», кафедра «Экономика».

Contact / Адрес

Kyrgyz-Turkish Manas University: 720044, Chengyz Aytmatov Caddesi 56, Bishkek, Kyrgyz Republic,
Кыргызско-Турецкий университет «Манас»: проспект Ч. Айтматова 56, 720044, Бишкек, Кыргыз Респуб.,
Tel.: 00996 (312) 49-27-63. e-mail: ndarovskih@list.ru web: <http://journals.manas.edu.kg>
ISSN 1694-5158 Подписной индекс 77349

Подписано к печати 12.04. 2023 г. Формат 60x84. Объем 10,0 печ. л. Тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии КТУ «Манас» Журнал зарегистрирован в Минюсте КР, рег. № 545.
Мнения, высказанные в статьях, могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Перепечатка и распространение допускаются только с разрешения редакции журнала.
© Кыргызско-Турецкий университет «Манас», 2023

Международный совет:

Проф., д-р Азиз Кутлар (Университет Сакарция, Турция)
 Проф., д-р Айше Ирмиш (Университет Памуккале, Турция)
 Проф., д-р экономич. наук Али Абишев (академик Акад. наук, Казахский экономич. университет, Казахстан)
 Проф., д-р экономич. наук Алишер Расулев (академик Академии наук, Институт экономики, Узбекистан)
 Проф., д-р экономич. наук Аманжол Кошанов (академик Академии наук, Казахстан)
 Проф., д-р Атылхан Нактийок (Университет имени Ататюрка, Турция)
 Проф., д-р экономич. наук Булат Кумеков (академик Академии наук, Казахстан)
 Проф., д-р экономич. наук Гани Калиев (академик Академии сельскохозяйственных наук, Казахстан)
 Проф., д-р Жевдет Авжыкурт (Университет Балыкесир, Турция)
 Проф. Жусуп Пиримбаев (Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Кыргызстан)
 Проф., д-р Ибрахим Халил Сугозу (Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Кыргызстан)
 Проф. Исмаил Актюрк (Университет Докуз Ейлул, Турция)
 Проф., д-р Махмуд Каргал (Университет Джумхуриет)
 Проф., д-р Муаммер Яйлалы (Эрзурумский технический университет, Турция)
 Проф. Нуриддин Каюмов (академик Академии наук, Институт экономики Академии наук, Таджикистан)
 Проф., д-р О. Сельчук Эмсен (Университет имени Ататюрка, Турция)
 Проф. Оразалы Сабден (академик Академии наук, Институт экономики Академии наук, Казахстан)
 Проф. Рахман Алшанов (академик Академии наук, Университет Туран, Казахстан)
 Проф., д-р Режаи Жошкун (Университет Измир Бакырчай, Турция)
 Проф., д-р Рыдван Карлук (Институт Анка, Турция)
 Проф., д-р Селлахаттин Сары (Университет Бейкент, Турция)
 Проф. Тохтар Есиркепов (академик Академии наук, Университет Туран, Казахстан)
 Проф., д-р экономич. наук Турар Койчуев (академик Академии наук, Кыргызстан)
 Проф., д-р Фейзулах Эроглу (Университет Памуккале, Турция)
 Проф., д-р Хусейн Авни Эгели (Университет Докуз Ейлул, Турция)
 Проф., д-р экономич. наук Ходжимухаммад Умаров (академик Акад. наук, Инст. экономики Акад. наук, Таджикистан)

International Council:

Prof. Dr. Ali Abishev (Member of the Academy of Sciences, Kazakh Economic University, Kazakhstan)
 Prof. Dr. Alisher Rasulev (Member of the Academy of Sciences, Institute of Economics at Academy of Sciences, Uzbekistan)
 Prof. Dr. Amanjol Koshanov (Member of the Academy of Sciences, Kazakhstan)
 Prof. Dr. Atilhan Naktiyok (Atatürk University, Turkey)
 Prof. Dr. Ayşe İrmış (Pamukkale University, Turkey)
 Prof. Dr. Aziz Kutlar (Sakarya University, Turkey)
 Prof. Dr. Bulat Kumekov (Member of the Academy of Sciences, Kazakhstan)
 Prof. Dr. Cevdet Avcıkurt (Balıkesir University, Turkey)
 Prof. Dr. Feyzullah Eroğlu (Pamukkale University, Turkey)
 Prof. Dr. Gani Kaliev (Member of the Academy of Agricultural Sciences, Kazakhstan)
 Prof. Dr. Hojimuhammad Umarov (Member of the Acad. of Sciences, Instit. of Economics at Academy of Sciences, Tajikistan)
 Prof. Dr. Huseyin Avni Egeli (Dokuz Eylül University, Turkey)
 Prof. Dr. İbrahim Halil Sugözü (Kyrgyz-Turkish Manas University, Kyrgyzstan)
 Prof. Dr. İsmail Aktürk (Dokuz Eylül University, Turkey)
 Prof. Dr. Jusup Pirimbaev (Kyrgyz-Turkish Manas University, Kyrgyzstan)
 Prof. Dr. Mahmut Kartal (Cumhuriyet University, Turkey)
 Prof. Dr. Muammer Yaylalı (Erzurum Technical University, Turkey)
 Prof. Dr. Nuriddin Kaumov (Member of the Academy of Sciences, Institute of Economics at Academy of Sciences, Tajikistan)
 Prof. Dr. Orazaly Sabden (Member of the Academy of Sciences, Institute of Economics at Academy of Sciences, Kazakhstan)
 Prof. Dr. Ö. Selçuk Emsen (Atatürk University, Turkey)
 Prof. Dr. Rahman Alshanov (Member of the Academy of Sciences, Turan University, Kazakhstan)
 Prof. Dr. Recai Coşkun (İzmir Bakırçay University, Turkey)
 Prof. Dr. Rıdvan Karluk (Anka Institute, Turkey)
 Prof. Dr. Selahattin Sarı (Beykent University, Turkey)
 Prof. Dr. Tohtar Esirkepov (Member of the Academy of Sciences, Turan University, Kazakhstan)
 Prof. Dr. Turar Koichuev (Member of the Academy of Sciences, Kyrgyzstan)

РЕФОРМА**№ 1 (97) 2023**

Международный, научный, экономический журнал

Содержание

Экономика		
А. И. Мусаев	Потенциал интеграции Центральной Азии в свете возвышения «тюркского мира»	6
А. К. Бакетаев, М.-А. Б. Абакиров, А. Т. Таширов, Арстанбек уулу Акылбек	Центрально-Азиатский гарантийный фонд как институт поддержки и развития взаимной торговли между странами Центральной Азии	35
Д. Ч. Бектенова, М. О. Курманбекова	Теоретико-методологические основы категории «зеленые финансы»	36
А. К. Камалова	Туризм в Кыргызстане: пандемия и ее последствия	66
Н. Шабиева, Б. Сулайманова	Женщины в экономическом контексте Центральной Азии: библиографический обзор баз данных Web of Science	

РЕФОРМА**№ 1 (97) 2023**

Эл аралык илимий-экономикалык журнал

Мазмуну

Экономика		
А. И. Мусаев	Борбордук Азиянын интеграциялык потенциалы «түрк дүйнөсүнүн» көтөрүлүшүнүн жарыгында	6
А. К. Бакетаев, М.-А. Б. Абакиров, А. Т. Таширов, Арстанбек уулу Акылбек	Борбордук Азия кепилдик фонду Борбор Азия өлкөлөрүнүн ортосундагы өз ара сооданы колдоо жана өнүктүрүү институту катары <i>Англисче версия</i> <i>Орус версиясы</i>	11 35
Д. Ч. Бектенова, М. О. Курманбекова	«Жашыл финансы» категориясынын теориялык жана методологиялык негиздери	59
А. К. Камалова	Кыргызстандагы туризм: пандемия жана анын жыйынтыктары	66
Н. Шабиева, Б. Сулайманова	Борбордук Азиядагы аялдардын экономикалык илимде мааниси: Web of Science базасынын негизинде библиографиялык анализ	70

İçindekiler

Ekonomi		
A.İ. Musaev	"Türk Dünyası"nın Yükselişi Işığında Orta Asyanın Entegrasyon Potansiyeli	6
A.K. Baketaev, M.-A. B. Abakirov, A.T. Taşirov, Akılbek Arstanbek uulu	Orta Asya Ülkeleri Arasında Karşılıklı Ticareti Destekleyen ve Geliştiren Bir Kurum Olarak Orta Asya Garanti Fonu <i>İngilizce versiyon</i> <i>Rus versiyonu</i>	11 35
D.Ç. Bektenova, M.O. Kurmanbekova	"Yeşil Finans"ın Teorik ve Metodolojik Temelleri	59
A.K. Kamalova	Kırgızistan'da Turizm: Pandemi ve Sonuçları	66
N. Şabieva, B. Sulaymanova	Ekonomik Bağlamda Orta Asya Kadınları: Web of Science Veritabanı Bibliyografik Bir Tarama	70

Table of Contents

Economy		
A. I. Musaev	The Integration Potential of Central Asia in Light of the Rise of the Turkic World	6
A. K. Baketaev, M.-A. B. Abakirov, A. T. Tashirov, Arstanbek uulu Akylbek	Central Asian Guarantee Fund as an Institution to Support and Develop Mutual Trade between Central Asian Countries <i>English version</i> <i>Russian version</i>	11 35
D. Bektenova, M. O. Kurmanbekova	Theoretical and Methodological Foundations of the "Green Finance"	59
A. K. Kamalova	Tourism in Kyrgyzstan: Pandemic and its Consequences	66
N. Shabieva, B. Sulaimanova	Women in the Economic Context of Central Asia: a Bibliographic Review of Web of Science Databases	70

УДК 94(5-191.2)

**THE INTEGRATION POTENTIAL OF CENTRAL ASIA
IN LIGHT OF THE RISE OF THE TURKIC WORLD¹**

Musaev Abdylida Inayatovich, Professor, Doctor of Philology,
Rector of Bishkek State University named after K. Karasaev,
ORCID: 0000-0002-1514-1055 <bhu.rektorat@gmail.com>

Abstract

In this article, the author reflects on the potential for integrating Central Asian states in the context of developing the "Turkic World" and cooperating with Turkic-speaking countries. The author notes the "artificiality" of the discourse on the vulnerability to the challenges of time and the fragmentation of the Central Asian region, fueled by the still weakly expressed processes of regionalization. At the same time, he argues for the sustainability of the state and for a positive future for the countries of Central Asia. In his analysis, the author identifies a number of factors as fundamental prerequisites - unifying principles for the future integration of Central Asian states. These include the exchange of resources, region history common grounds, the unity of the linguistic base of national languages; the same religion; challenges to regional security. The author attaches great importance to the active development of the "Turkic world" and is of the opinion that in view of the rapprochement of Turkic-speaking countries within the Organization of Turkic States (OTS). The integration of the Central Asian region should not fade into the background. On the contrary, the potential of OTS expected to used in the further development of regional cooperation.

Keywords: Central Asia; regionalization; integration; potential; Turkic World; geopolitics.

**ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕГРАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В СВЕТЕ ВОЗВЫШЕНИЯ «ТЮРКСКОГО МИРА»**

Мусаев Абдылда Инаятович, профессор, доктор филологических наук,
ректор Бишкекского государственного университета имени К. Карасаева,
ORCID: 0000-0002-1514-1055 <bhu.rektorat@gmail.com>

Аннотация

В статье автор размышляет о потенциале интеграции государств Центральной Азии в контексте развития «тюркского мира», сотрудничества тюркоязычных стран. Автор отмечает «искусственность» дискурса об уязвимости перед вызовами времени и разрозненности Центральноазиатского региона, который подогревается пока слабо выраженными процессами регионализации. При этом он утверждает тезис о государственной состоятельности и позитивной будущности центральноазиатских стран. В ходе анализа автор обозначает в качестве фундаментальных предпосылок – объединяющих начал для будущей интеграции государств Центральной Азии – ряд факторов: взаимообмен ресурсами; общность истории региона; единство лингвистической базы национальных языков; общая религия; вызовы региональной безопасности. Придавая большое значение активному развитию «тюркского мира», автор полагает, что в свете сближения тюркоязычных стран в рамках Организации тюркских государств (ОТГ) интеграция Центральноазиатского региона не должна отойти на

---

¹ Предлагаем вниманию читателей журнальную версию статьи, опубликованной ранее в газете «Билим» и на сайте Информационного агентства АкиПресс.

второй план. Напротив, потенциал ОТГ должен быть использован в дальнейшем развитии региональной кооперации.

Ключевые слова: Центральная Азия; регионализация; интеграция; потенциал; тюркский мир; геополитика.

БОРБОРДУК АЗИЯНЫН ИНТЕГРАЦИЯЛЫК ПОТЕНЦИАЛЫ «ТҮРК ДҮЙНӨСҮНҮН» КӨТӨРҮЛҮШҮНҮН ЖАРЫГЫНДА

Мусаев Абдылда Инаятович, профессор, филология илимдеринин доктору,
БГУнун ректору К.Карасаев атындагы,
ORCID: 0000-0002-1514-1055 <bhu.rektorat@gmail.com>

Кыскача мүнөздөмө

Макалада автор «Түрк дүйнөсүнүн» өнүгүүсүнүн контекстинде Борбор Азия мамлекеттеринин интеграциясынын потенциалы, түрк тилдүү мамлекеттердин кызматташтыгы тууралуу ой жүгүртөт. Автор мезгилдин чакырыктарына алсыздыгы жана региондоштуруунун начар чагылдырылган процесстери менен шартталган Борбордук Азия чөлкөмүнүн бытырандылыгы жөнүндөгү дискурстун «жасалмалуулугун» белгилейт. Ошону менен бирге ал Борбордук Азия өлкөлөрүнүн мамлекеттик турмушка жөндөмдүүлүгү жана позитивдүү келечеги жөнүндөгү тезисти ырастайт. Талдоо жүргүзүүдө автор бир катар факторлорду фундаменталдуу өбөлгөлөр катары белгилеген – Борбордук Азия мамлекеттеринин келечектеги интеграциясынын бириктирүүчү принциптери: ресурстарды алмашуу; аймактын жалпы тарыхы; улуттук тилдердин тилдик базасынын биримдиги; жалпы дин; аймактык коопсуздукка чакырыктар. «Түрк дүйнөсүнүн» жигердүү өнүгүшүнө чоң маани берип, автор УТКнын алкагында түрк тилдүү өлкөлөрдүн жакындашуусунан улам Борбордук Азия чөлкөмүнүн интеграциясы экинчи планга кетпеши керек деп эсептейт. Тескерисинче, аймактык кызматташтыкты мындан ары өнүктүрүүдө Түрк мамлекеттер уюмунун (ОТГ) потенциалын пайдалануу керек.

Негизги сөздөр: Борбордук Азия; региондоштуруу; интеграция; потенциал; түрк дүйнөсү; геосаясат.

«Искусственный» центральноазиатский дискурс

В политическом дискурсе, в частности, постсоветского периода укоренилось понятие «хрупкость Центральноазиатского региона». В теоретических выкладках зарубежных аналитиков, да и местных экспертов, Центральная Азия предстает как разрозненный и деструктивный регион с туманным будущим (Центральная Азия 2027, 2017; Как достичь синергетического эффекта, 2019; Д. Сатпаев, 2013) [12; 6; 8]. Часто выдвигаются мрачные прогнозы о конфликтогенности межгосударственных взаимоотношений, уязвимости для религиозного экстремизма, терроризма, наркотрафика и др. Высказываются сомнения в государственной состоятельности, возможности формирования гражданской нации и идентичности. А название «ферганская долина» стало нарицательным понятием, выражающим концентрацию всех негативных факторов развития региона. Если американский политолог С. Хантингтон в свое время сравнивал регион с потенциальной «пороховой бочкой» (С. Хантингтон, 2017) [11], то З. Бжезинский называл Ферганскую долину «евразийским этническим котлом» (З. Бжезинский, 1998) [2]. Существует также большой пласт постсоветских экспертных мнений, выражающих пессимизм относительно будущего региона (А. Казанцев, 2013; А. Школьников, 2022; А. Данков, 2013) [5; 14; 3].

Однако тридцатилетняя практика сосуществования суверенных государств региона во многом доказала, напротив, несостоятельность и «искусственность» подобного дискурса. Несмотря на идеологическую дезориентацию, сложную внутривнутриполитическую обстановку и

системный экономический кризис 90-х годов, политическую турбулентность 2000-х годов, затянувшиеся трансграничные проблемы и другие исторические испытания, страны Центральной Азии смогли сохранить свою государственность и сформировать идентичность, продолжая поступательное движение вперед.

Слабая регионализация?

Вероятно, пессимизм касательно единства Центральной Азии подогревается фактом ее слабой регионализации. Действительно, здесь меньше всего региональных организаций по сравнению с другими регионами. Несмотря на трансграничный характер ключевых проблем сотрудничества (водоснабжение, энергетика, транспорт, торговля и др.) и в целом похожие траектории развития, центральноазиатские страны оказались слабо интегрированными. Отчасти из-за этого в международном политическом дискурсе на регион часто проецируются такие характеристики, как «буферная зона» или «жертва» в большой геополитической игре мировых сверхдержав (Дж. Э. Хербст, 2017; Ф. Толипов, 2015; Д. Аджанова, 2022; А. Казанцев, 2013) [4; 10; 1; 5].

Вместе с тем я склонен считать это временным, скорее эволюционным явлением. Несмотря на хрупкость, региональный диалог продолжается. Правда, долгое время основной формой межгосударственного взаимодействия выступали герметичные двусторонние отношения. Каждое государство стремилось к большей самостоятельности, международному признанию и выстраивало взаимоотношения с глобальным миром по-своему. Ориентация на геополитические макрообразования зачастую сдвигала на второй план вопросы регионального сотрудничества.

Но в последние годы процесс регионализации вышел на новый уровень с началом проведения саммитов глав государств Центральной Азии. Действительно, потребовались три десятилетия изоляционизма и «эгоизма», чтобы, наконец, перезапустить процессы сближения. Немаловажную роль в этом сыграли, конечно, складывающиеся условия геополитической турбулентности, напряженности на международной арене и возросшие риски глобальной безопасности. Эти факторы объективно влияют на ускорение становления регионального мышления и видения у политических элит государств. Несмотря на внешнюю декларативность и отсутствие прорывных интеграционных соглашений, консультативные встречи президентов центральноазиатских стран являются следующим эволюционным этапом в преодолении герметичности, конъюнктурности отношений и главное – региональном сближении, предвосхищающем интеграцию.

Исторический фундамент

Считаю, что у государств Центральной Азии имеются фундаментальные предпосылки для интеграции. Прежде всего, это ее многовековая история, обусловленная объективными географическими факторами. Несмотря на социально-культурные, экономические и политические особенности, народы региона имеют древний и очень широкий по своему диапазону опыт взаимодействия. Этот исторический опыт имеет больше объединяющее, нежели разъединяющее начало и является весомым аргументом против искусственности негативного дискурса о разрозненности региона, о котором я упомянул выше.

К фундаментальным объединяющим началам можно отнести следующие.

Во-первых, как ранее, так и сегодня необходим взаимообмен природными ресурсами (вода, пастбища, минеральные ресурсы, торговля и т.д.) между государствами. Существует объективная необходимость в совместной эксплуатации общих путей сообщения, проходящих через границы республик. Другого пути для развития народов нет и быть не может.

Во-вторых, общность истории региона, где благодаря интеграции народов зарождались мировые сверхдержавы (Золотая Орда, государство Темир-Аксака) с научно-культурными центрами в таких городах, как Сарай-Берке, Самарканд, Бухара, Баласагын, Узген, Туркестан и

др. Заметим, политическая элита тюркских государств средневековья была высокообразованной. Достаточно лишь посмотреть биографии правителей.

В-третьих, единство лингвистической базы национальных языков: кыргызского, казахского, узбекского, туркменского, относящихся к единой тюркской группе, и коммуникация, не требующая переводчика. Это языковое единство определило глубокие связи в художественной литературе и в целом в культуре региона. Несмотря на вхождение в иранскую группу языков, литературное творчество таджикского народа развивалось в тесной взаимосвязи с фольклором и литературой соседних тюркоязычных народов. В творческом наследии центральноазиатских народов прослеживается много общих литературных сюжетов. Например, сюжеты узбекского эпоса «Алмамыш» встречаются не только у казахов, каракалпаков, таджиков, но и у алтайцев, башкиров и татар. Историю трагической любви Лейли и Меджнуна можно встретить у узбекского поэта Навои, таджикского поэта Джами, туркменского поэта Андалиба и др. Навои считал Джами своим наставником. Они заложили начало традиции написания «Хамса» (Пятерица, пять поэм) на двух языках – тюркском и фарси. Традиция двуязычия в художественном творчестве продолжилась и в двадцатом столетии. Так, Айни внес значимый вклад в развитие узбекской и таджикской литературы, творя на двух языках [6]. К сожалению, сегодня культурное взаимодействие стран региона заметно ослабло. А достижение былого единого культурного пространства требует много взаимных усилий.

В-четвертых, общей религией для всех народов региона без исключения является ислам. Единая религия обусловила общие черты как материальной (орудия труда, пища, архитектура и т.д.), так и духовной культуры (традиции, обычаи, обряды и т.д.).

В-пятых, на фоне происходящих событий в мире особое значение приобретает проблема региональной безопасности. В связи со смещением «центра тяжести» на восток и изменением привычного глобального порядка, Центральная Азия становится объектом пристального внимания. Природные богатства, молодость наций и демографический потенциал делают регион весьма привлекательным геополитическим узлом. Не стоит забывать и то, что в ближайшей перспективе нужно решать такую проблему, как соседство с Афганистаном, где в настоящий момент начинается новая геополитическая игра.

Возвышение «тюркского мира»

Сегодня движение стран Центральноазиатского региона в сторону взаимного сближения происходит в условиях существования многих интеграционных проектов, затрагивающих их самих. Одним из них является Организация тюркских государств (ОТГ).

Пожалуй, не будет преувеличением, если назовем 2022 год возвышением «тюркского мира». Девятый саммит глав стран-участниц ОТГ в городе Самарканде (11 ноября 2022 г.), издревле связывавшей Восток и Запад на Великом Шелковом пути, ознаменовал новый этап развития тюркской интеграции. Тема саммита также звучала символично – «Новая эра тюркской цивилизации: на пути к общему прогрессу и процветанию». Как видим, сотрудничество, направленное на интеграцию тюркоязычных государств, было впечатляющим за последние годы. Интеграционные процессы отличились своим динамизмом по сравнению с аналогичными проектами на евразийском пространстве. Привлекательность организации на международной геополитической арене заметно выросла. В качестве наблюдателей были приняты Туркменистан и Венгрия.

С переименованием Совета тюркоязычных государств в Организацию тюркоязычных государств в 2021 году произошло не просто изменение названия, а глубокий семантический сдвиг. Принятие в 2021 году стратегического документа «Видение тюркского мира – 2040» (2021) [15] и «Стратегии развития ОТГ на 2022-2026 годы» (2022) [16] в рамках Самаркандского саммита обозначили реальные шаги для дальнейшего углубления интеграции. Действительно, как отметил президент С. Жапаров в своем выступлении на саммите: «...Данный документ станет «настойной книгой» будущего сотрудничества и взаимоотношений тюркских стран в политической, торгово-экономической, инвестиционной, транспортно-логистической,

культурно-гуманитарной и многих других сферах» (Самаркандский прием, 2022) [9]. Наш президент также подчеркнул, что в связи с нынешней нестабильной ситуацией на передний план выходят вопросы региональной безопасности. Соответственно это требует от стран-участниц тесного сотрудничества и консолидации общих усилий.

Вместе с тем в свете развития «тюркского мира» вопрос сближения стран Центральноазиатского региона не должен отойти на второй план, а выгодно встроиться в глобальные интеграционные тенденции. Потому что, как я обозначил выше, регион имеет фундаментальные предпосылки для будущей интеграции. Сотрудничество наших стран имеет экзистенциальную основу. Как кыргызы говорят: «Алыскы туугандан, жакынкы кошуна артык» («Лучше близкий сосед, чем дальний родственник»). Помимо всего прочего мы не должны упускать из виду тот факт, что Центральная Азия как регион, весьма богатый минеральными и гидроресурсами, представляет геополитический интерес для многих внешних центров силы. В связи с этим энергию ОТГ, например, мы могли бы конструктивно использовать в качественном развитии региональной кооперации, построении архитектуры региональной безопасности исходя из национальных и международных интересов. Например, это касается разрешения трансграничных вопросов.

Свои размышления хотелось бы завершить словами президента С. Жапарова, сказанными на Самаркандском саммите о том, что сила – в единстве. «Ырыс алды ынтымак», – гласит кыргызская пословица. Заслуживает уважения еще раз подчеркнутая президентом неизменная позиция нашего государства о необходимости разрешения спорных вопросов исключительно мирным путем и политико-дипломатическими методами. Потому что без единства и мира невозможна интеграция Центральноазиатского региона.

Использованные источники

1. Атжанова, Д. (2022). «Буферные зоны: зачем Украина, Казахстан и Кавказ нужны России?». – URL: <https://the-steppe.com/razvitie/bufernye-zony-zachem-ukraina-kazahstan-i-kavkaz-nuzhny-rossii>
2. Бжезинский, З. (1998). «Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы)». Глава 5. «Евразийские Балканы». Москва: Междунар. отношения, с. 65-70.
3. Данков, А. (2013). «Центральная Азия в 2025 году: от неопределенности к кризису». *Вестник Томского государственного университета. Сер. «История».* № 1(21), с. 118-124.
4. Хербст, Дж. Э. (2017). «Американский интерес в Центральной Азии будет усилен». – URL: <https://easdaily.com/ru/news/2017/11/14/dzhon-edvard-herbst-amerikanskiy-interes-v-centralnoy-azii-budet-usilen>;
5. Казанцев, А. (2013). «Пять сценариев будущих границ Центральной Азии». – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pyat-stsenariiev-budushchikh-granits-tsentralnoy-azii/>
6. Как достичь синергетического эффекта в Центральной Азии? (2019). *Обзор мнений экспертов.* URL:<https://www.caa-network.org/archives/17309>
7. Мусаев, А.И. (2003). «Түрк тилүү элдердин адабияты». Бишкек, 80 б.
8. Сатпаев, Д. (2013). «Пороховая бочка Центральной Азии». – URL: https://forbes.kz/process/porohovaya_bochka_tsentralnoy_azii/
9. Самаркандский прием. (2022). *Общенациональная газета «Слово Кыргызстана»*, 15 ноября, №118 (24230).
10. Толипов, Ф. (2015). «НАРБК-геополитика в Центральной Азии». – URL: <https://cabar.asia/ru/cabar-asia-narbk-geopolitika-v-tsentralnoj-azii>
11. Хантингтон, С. (2017). «Столкновение цивилизаций». [Пер. с англ. Т. Велимеева]. Москва: Издательство АСТ, 640 с.

12. Центральная Азия 2027: меняющийся стратегический ландшафт. Вероятные сценарии на 10 лет вперед. (2017). – URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/kasachstan/13872.pdf>
13. Центральная Азия и внешние державы. (2019). *Журнал «PRO et CONTRA»* (ЗА и ПРОТИВ). № 1-2 (58). – URL: https://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_58_all.pdf
14. Школьников, А. (2022). «Геостратегический взгляд на будущее Средней Азии». – URL: <https://shkolnikov.info/articles/11-analitika-i-prognozy/106423-geostrategicheskiy-vzgljad-na-budushhee-sredney-azii>
15. Turkic World Vision – 2040. (2021) – URL: <https://www.turkicstates.org/assets/pdf/haberler/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf>
16. Samarkand declaration of the ninth summit of the Organization of Turkic States. (2022). – URL: <https://turkicstates.org/assets/pdf/haberler/samarkand-declaration-2679-165.pdf>

УДК 339.56

CENTRAL ASIAN GUARANTEE FUND AS AN INSTITUTION TO SUPPORT AND DEVELOP MUTUAL TRADE BETWEEN CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Baketaev Almaz Kushbekovich, Minister of Finance of the Kyrgyz Republic
<swanich35@gmail.com>

Abakirov Malik-Aidar Barktabasovich, Honorary Professor of KEU M. Ryskulbekov and KSU named after I. Arabaeva, Chairman of the Board of the OJSC “Guarantee Fund”,
ORCID: 0000-0002-6140-2834 <maabakirov@gmail.com, abakirov@gf.kg>

Tashirov Abdil Tashirovich, PhD in Economics, Head of the Strategic Development Department of the OJSC “Guarantee Fund”, ORCID: 0000-0002-2677-8609 <tashirov@gf.kg>

Arstanbek uulu Akylbek, Head of the Analysis and Strategic Programs Development Sector of the Strategic Development Department of the OJSC “Guarantee Fund”, ORCID: 0000-0002-9531-5974
<akylbek141292@gmail.com, arstanbek@gf.kg>
Kyrgyz Republic, Bishkek

Abstract

This article examines factors affecting trade among Central Asian countries and assesses the trade potential of the region. Using open data, a gravity model is used to estimate Central Asian countries' trade over the past 2-3 years. The results obtained from the mathematical gravity model showed the presence of the trade potential between the Central Asian countries. According to the results, GDP of the exporting and importing country has a positive impact on trade, while distance has a negative impact. The trade potential shows the opportunities for economic growth and the development of entrepreneurship. Lower-middle-income countries, being less developed economies even by Central Asian standards, can only reduce poverty and become more developed by increasing their trade with neighboring Central Asian countries. At the same time, this article proposes a tool for realizing trade potential - the Central Asian Guarantee Fund. This institution will aim to increase the level of trade between countries by providing private sector access to finance, expand trade finance instruments, and support national guarantee funds. Thus, the article can help Central Asian governments formulate policies to expand regional trade in the face of geopolitical tensions. This article is the first experience of applying the gravity model to Central Asian countries in order to estimate trade potential, and to realize it with the help of the Central Asian Guarantee Fund.

Keywords: trade, gravity model, Central Asia, Central Asian Guarantee Fund, Kyrgyzstan, Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenistan.

ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИЙ ГАРАНТИЙНЫЙ ФОНД КАК ИНСТИТУТ ПОДДЕРЖКИ И РАЗВИТИЯ ВЗАИМНОЙ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Бакетаев Алмаз Кушбекович, министр финансов Кыргызской Республики
<swanich35@gmail.com>

Абакиров Малик-Айдар Барктабасович, председатель правления ОАО «Гарантийный фонд»,
почетный профессор КЭУ им. М.Рыскулбекова и КГУ им. И. Арабаева,
ORCID: 0000-0002-6140-2834 <maabakirov@gmail.com>, <abakirov@gf.kg>

Таширов Абдил Таширович, кандидат экономических наук, начальник отдела
стратегического развития ОАО «Гарантийный фонд», ORCID: 0000-0002-2677-8609
<tashirov@gf.kg>

Арстанбек уулу Акылбек, заведующий сектором анализа и разработки стратегических
программ Отдела стратегического развития ОАО «Гарантийный фонд»,
ORCID: 0000-0002-9531-5974 <akylbek141292@gmail.com>, <arstanbek@gf.kg>
Кыргызская Республика г. Бишкек

Аннотация

В данной статье исследуются факторы, влияющие на торговлю между странами Центральной Азии, и проведена оценка торгового потенциала региона. Используя открытые данные, применяется гравитационная модель для оценки торговли стран Центральной Азии за последние 2-3 года. Результаты, полученные на основе математической гравитационной модели, показали наличие торгового потенциала между странами Центральной Азии. Согласно результатам, ВВП страны-экспортера и страны-импортера оказывают положительное влияние на торговлю, в то время как расстояние между ними оказывает отрицательное влияние. Торговый потенциал показывает возможности для обеспечения роста экономики, развития предпринимательства. Страны с доходом ниже среднего, будучи менее развитыми экономиками даже по стандартам Центральной Азии, могут снизить уровень бедности и стать более развитыми только за счет увеличения своей торговли с соседними странами Центральной Азии. Вместе с тем в данной статье предлагается инструмент для реализации торгового потенциала – Центрально-Азиатский гарантийный фонд. Данное учреждение способствует повышению уровня торговли между странами путем обеспечения доступа частного сектора к финансированию, расширению инструментов торгового финансирования, поддержки национальных гарантийных фондов. Таким образом, статья может помочь государственным органам стран Центральной Азии сформулировать политику расширения региональной торговли в условиях геополитической напряженности. Данная статья является первым опытом применения гравитационной модели торговли к странам Центральной Азии с целью оценить торговый потенциал, а также реализовать его с помощью Центрально-Азиатского гарантийного фонда.

Ключевые слова: торговля, гравитационная модель, Центральная Азия, Центрально-Азиатский гарантийный фонд, Кыргызстан, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан.

БОРБОРДУК АЗИЯ КЕПИЛДИК ФОНДУ БОРБОРДУК АЗИЯ ӨЛКӨЛӨРҮНҮН ОРТОСУНДАГЫ ӨЗ АРА СООДАНЫ КОЛДОО ЖАНА ӨНҮКТҮРҮҮ ИНСТИТУТУ КАТАРЫ

Бакетаев Алмаз Кушбекович, Кыргыз Республикасынын Финансы министри
<swanich35@gmail.com>

Абакиров Малик-Айдар Барктабасович, КЭУнун ардактуу профессору. Рыскулбеков жана
М. И.Арабаева «Кепилдик фонд» ААК башкармалыгынын төрагасы,
ORCID: 0000-0002-6140-2834 <maabakirov@gmail.com>, <abakirov@gf.kg>

Таширов Абдил Таширович, экономика илимдеринин кандидаты, «Кепилдик фонду»
 ААКнын стратегиялык өнүктүрүү башкармалыгынын начальниги,
 ORCID: 0000-0002-2677-8609 <tashirov@gf.kg>

Кыскача мүнөздөмө

Бул макалада Борбордук Азия өлкөлөрүнүн ортосундагы соодага таасир эткен факторлор иликтенип, аймактын соода потенциалына баа берилет. Ачык маалыматтарды колдонуу менен акыркы 2-3 жыл ичинде Борбордук Азия өлкөлөрүндөгү сооданы баалоо үчүн гравитациялык модель колдонулат. Математикалык гравитациялык моделдин негизинде алынган натыйжалар Борбордук Азия өлкөлөрүнүн ортосунда соода потенциалынын бар экендигин көрсөттү. Натыйжалар боюнча, экспорттоочу өлкөнүн жана импорттоочу өлкөнүн ИДӨсү соодага оң таасирин тийгизет, ал эми алардын ортосундагы аралык терс таасирин тийгизет. Соода потенциалы экономикалык өсүштү жана ишкердикти өнүктүрүүнү камсыз кылуунун мүмкүнчүлүктөрүн көрсөтөт. Экономикасы Борбордук Азия стандарттарынан алып караганда дагы анча өнүкпөгөн, орточо кирешеси төмөн өлкөлөр коңшулаш Борбордук Азия өлкөлөрү менен соодасын көбөйтүү аркылуу гана жакырчылыктын деңгээлин төмөндөтүп, өнүгө алышат. Ушуну менен катар, бул макалада соода потенциалын ишке ашыруунун инструменти катары Борбордук Азия Кепилдик фонду сунушталат. Бул мекеме жеке сектордун каржылоого жеткиликтүүлүгүн камсыз кылуу, соодалык каржылоо инструменттерин кеңейтүү жана улуттук кепилдик фонддорун колдоо аркылуу өлкөлөр ортосундагы сооданын деңгээлин жогорулатууга салым кошот. Ошентип, макала Борбордук Азия өлкөлөрүнүн мамлекеттик органдарына геосаясий чыңалуу шартында аймактык сооданы кеңейтүү саясатын түзүүгө жардам берет. Бул макала соода потенциалын баалоо жана ошондой эле Борбордук Азия Кепилдик фондунун жардамы менен жүзөгө ашыруу максатында Борбордук Азия өлкөлөрүнө карата сооданын гравитациялык моделин колдонуунун биринчи тажрыйбасы болуп эсептелет.

Негизги сөздөр: Соода, гравитациялык модель, Борбордук Азия, Борбордук Азия Кепилдик фонду, Кыргызстан, Казакстан, Өзбекстан, Тажикстан, Түркмөнстан.

1. Introduction

In 2022, there was an increase in tension in the geopolitical space, the supply chains of goods between Europe and Central Asian countries have been disrupted. There is a need to diversify commodity flows and strengthen cooperation with the closest neighboring Central Asian countries. The reorientation of trade relations towards the markets of Central Asian countries will give an impulse to increase trade turnover between the countries.

This paper also considers the factor of the private sector and its access to financial resources as the main deterrent to increasing local production volumes and creating export-oriented enterprises. The need for financing (credit resources) can reach up to 40% of the credit portfolio of the banking system of CA countries.

In order to realize the potential growth of mutual trade between the CA countries and expand access of the private sector to financial resources, it is proposed to create the Central Asian Guarantee Fund as a tool to increase the level of trade cooperation between the CA countries and strengthen the role of national guarantee funds in providing access of local SMEs to financial resources.

In this article, calculations of the potential increase in trade between Central Asian countries based on the gravity model of trade are carried out and a tool that allows realizing the trade potential between the Central Asian countries is described.

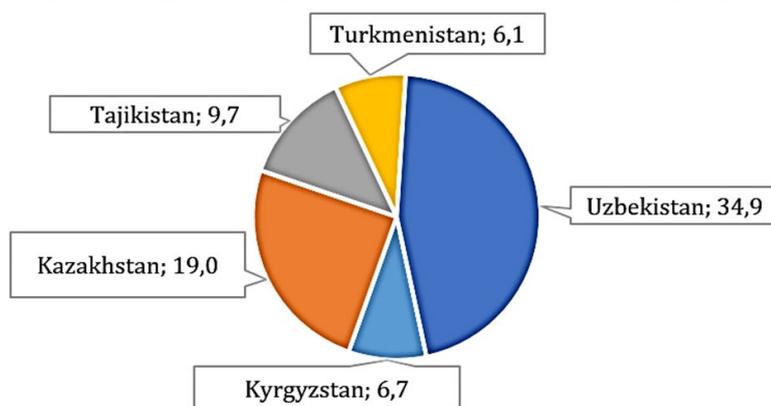
2. Review of the Central Asian countries

The CA region includes such countries as the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan, the Republic of Uzbekistan and Turkmenistan. The economic situation in the region is quite different due to the presence of upper-middle income countries and low-income

countries, however, all CA countries are of great strategic importance due to their geographical location and availability of natural resources.

The Central Asian countries are home to 76.4 million people (Fig. 1) and about 48% of the population lives in urban areas. Central Asia remains one of the youngest regions of the world, with an average age of 27.6 years.

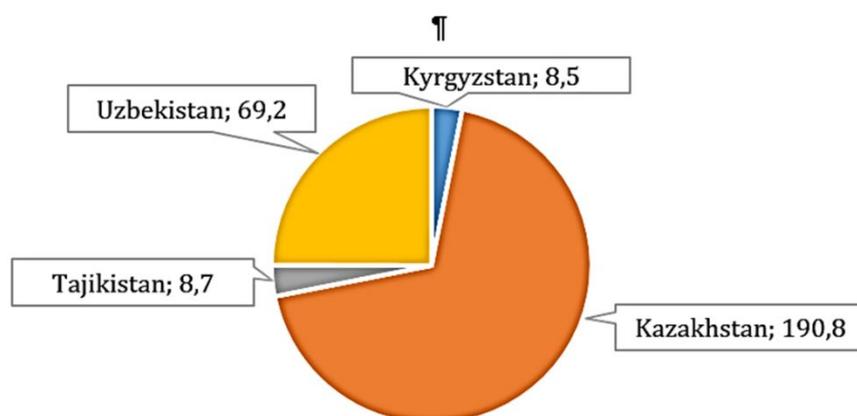
Figure 1. Population by Central Asian countries, million people

Source: World Bank data [21].

The total GDP of Central Asian countries in 2021 is USD 277.2 billion, the largest economies in the region are Kazakhstan and Uzbekistan (Fig. 2). It should be noted that data on Turkmenistan's GDP for 2021 are not available in public sources.

Figure 2. GDP of 4 CA countries, billion USD

Source: International monetary fund data [20].

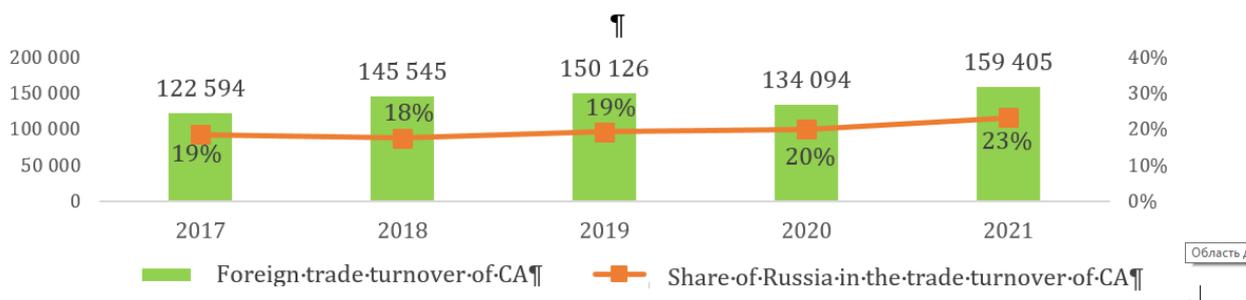
The total foreign trade volume of Central Asian countries was USD 159.4 billion in 2021, an increase of 30% compared to 2017. Trends in the total volume of CA countries' trade are shown in the following chart (Fig. 3).

It should be noted that in most Central Asian countries, the main trading partner is the Russian Federation. As can be seen from the above chart (Fig. 3), the share of the Russian Federation is 23% of the total foreign trade turnover of CA. In some Central Asian countries, the share of the Russian Federation may be more than 23%.

The rather strong trade integration makes the Central Asian economies vulnerable to the sanctions imposed on the Russian Federation. The deteriorating economic situation in the Russian Federation, the disruption of product supply chains, fluctuations in the U.S. dollar exchange rate, and increased

inflationary pressure on national currencies have a negative impact on the socio-economic situation in Central Asian countries. International financial institutions predict a slowdown in the growth of Central Asian economies in 2022.

Figure 3. Volume of total foreign trade turnover of CA countries (million USD)

Source: Calculated based on data from the International Trade Center [22].

Further deterioration of the economic situation in the Russian Federation could lead to higher unemployment (due to the return of migrants), higher prices, and worsening food security in Central Asian countries.

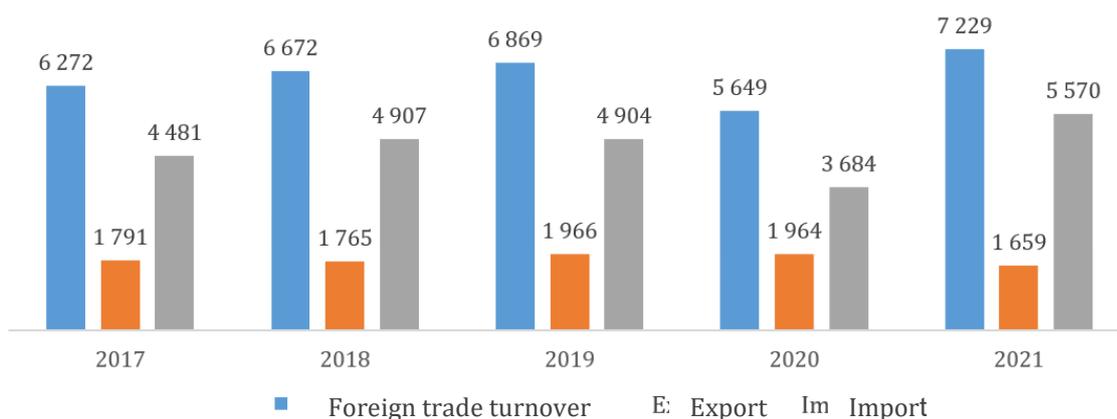
At the same time, it should be noted that the decline in purchasing power in the Russian Federation may lead to a decrease in foreign trade turnover of CA countries and a decrease in the share of Russia in the trade turnover of CA countries, as well as difficulties in importing goods that are in transit through the territory of the Russian Federation. The reduction of imports of goods can lead to a proportional decrease in customs revenues, including within the EAEU for Kyrgyzstan and Kazakhstan.

Given the above, there is a need to diversify trade flows and reorient trade relations in order to increase the volumes of mutual trade between Central Asian countries.

Below is a brief overview of the Central Asian countries.

Kyrgyz Republic.

Figure 4. Trade volumes of the Kyrgyz Republic (million US dollars)

Source: Calculated based on data from the International Trade Center [22].

The area of the country is 199.9 thousand square kilometers with a population of 6.7 million people, some of whom go to work in the Russian Federation. Gross domestic product of the Kyrgyz Republic for 2021 amounted to USD 8.5 billion (World Bank, 2022) [21]. The real sector of the economy is represented mainly by small and medium-sized businesses, whose contribution is 42.8% (National

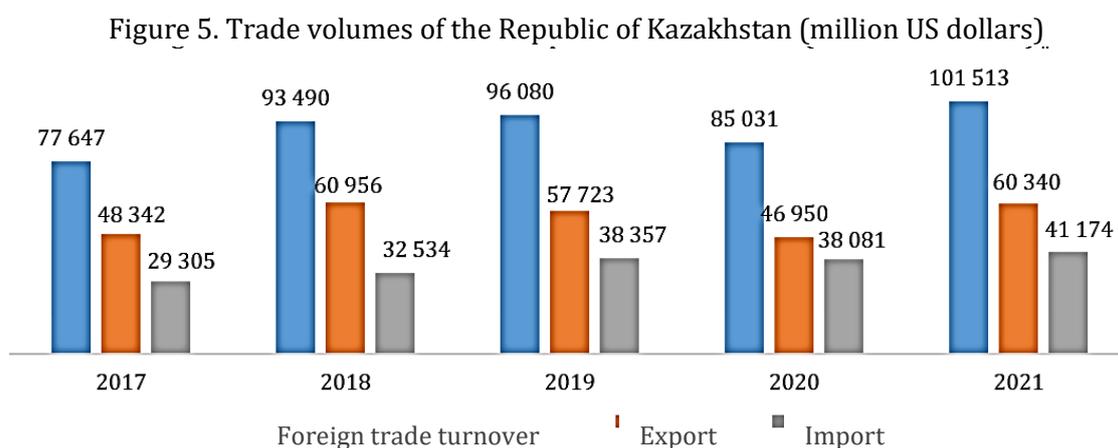
Statistical Committee of the Kyrgyz Republic, 2022) [17] of the GDP of the Republic. The economy of the republic is quite dependent on the main trading partners and remittances of migrants, which provide consumer demand within the country. The main trading partners are the Russian Federation, China, the Republic of Kazakhstan, the Republic of Uzbekistan and Turkey.

It should be noted that the Kyrgyz Republic is a member of the Eurasian Economic Union (hereinafter referred to as the EAEU), along with the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, Belarus and Armenia.

The Republic of Kazakhstan.

Kazakhstan is the largest country in Central Asia (area – 2.7 million sq. km) with a population of 19 million people. In addition to its geographical size, the country is the largest economy in the region, with a nominal GDP of USD 9202.9 billion in 2021 (World Bank, 2022) [21]. The sector of small and medium-sized businesses occupies 33.3% of GDP (Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan, 2022) [18].

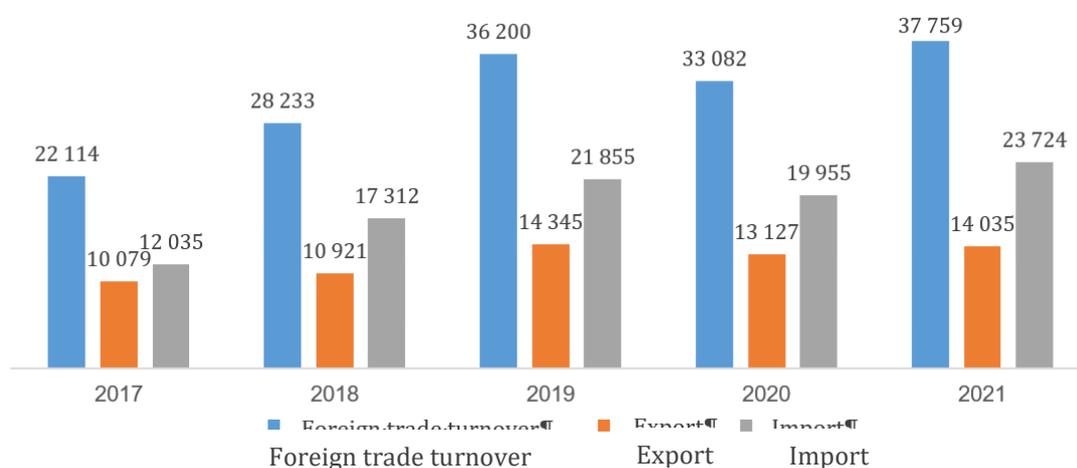
The main role in the formation of GDP is played by the oil and gas industry. Exports of products of this industry can reach 50% or more of the total exports. The main trading partners are China, the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, the countries of Europe and Asia, the USA and the Republic of Uzbekistan. Kazakhstan trades with other countries of the CA region to a lesser extent than with those listed earlier. It should be noted that Kazakhstan is a member of the EAEU.

Source: Calculated based on data from the International Trade Center [22].

The Republic of Uzbekistan.

Figure 6. Trade volumes of the Republic of Uzbekistan (million US dollars)

Source: Calculated based on data from the International Trade Center [22].

The area of Uzbekistan is 447.4 thousand square kilometers with a population of 34.9 million people. In recent years, the Government of Uzbekistan has carried out a number of reforms, including the reform of the exchange rate and regulation of foreign trade, as well as the liberalization of prices for goods and services.

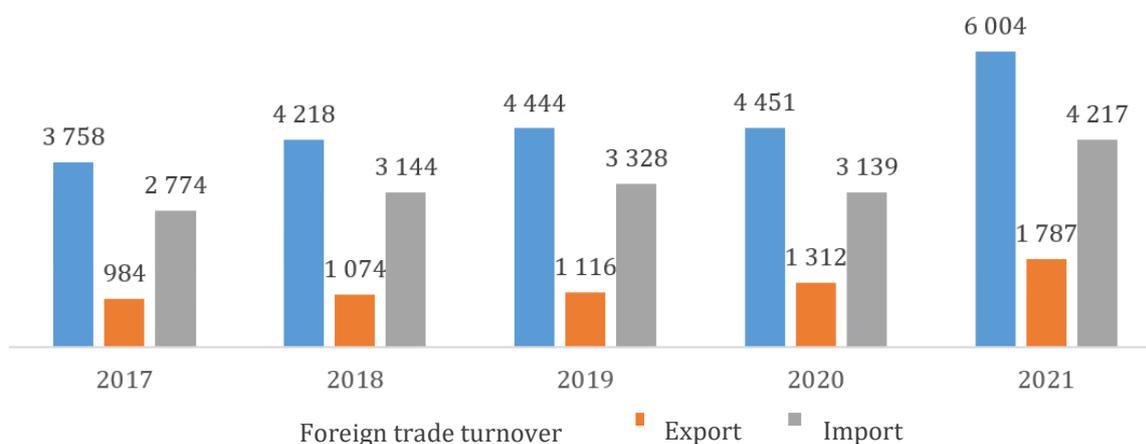
The reforms carried out made it possible to increase the rate of economic growth, the volume of which in 2021 amounted to 69.2 billion US dollars. The reforms contributed to the fascination of foreign trade volumes. The main trading partners are the Russian Federation, China, Central Asian countries, Afghanistan, Turkey.

The Republic of Tajikistan.

Tajikistan is the smallest country in Central Asia in terms of area, its size is 141.4 thousand square kilometers, and the population is 9.8 million people. Tajikistan's GDP in 2021 was USD 8.7 million and real GDP growth increased to 9.7%. Growth in the economy was supported by rising exports of precious metals and increased remittance inflows, as well as rising private investment and consumption.

The main trade partners of the republic are China, the Russian Federation, Kazakhstan, Uzbekistan, Turkey, Iran, Afghanistan.

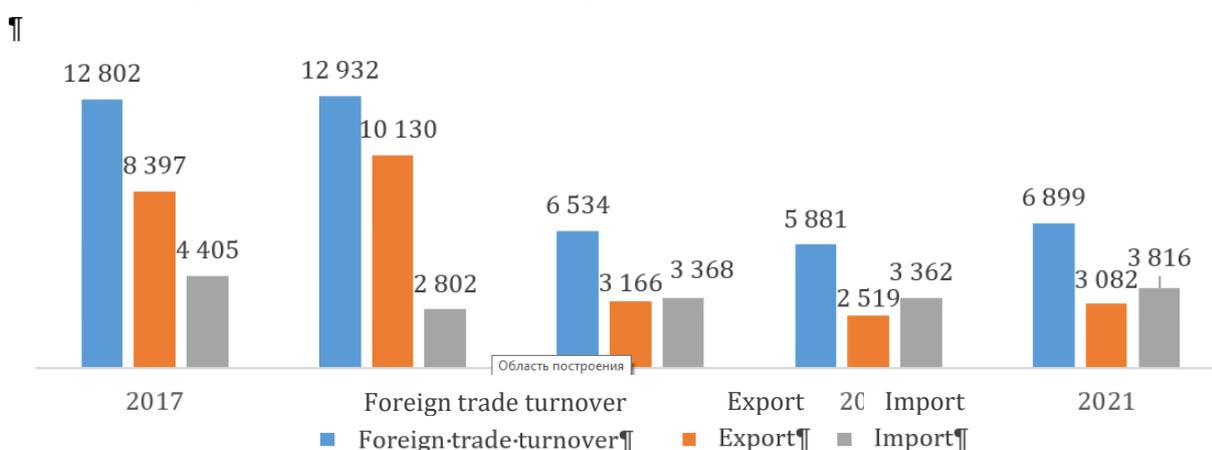
Figure 7. Trade volumes of the Republic of Tajikistan (million US dollars)

Source: Calculated based on data from the International Trade Center [22].

Turkmenistan.

Figure 8. Trade volumes of the Republic of Turkmenistan (million US dollars)

Source: Calculated based on data from the International Trade Center [22].

The population of Turkmenistan is 6.1 million people, while the area of the country is 488 thousand square kilometers. In recent years, the economy of Turkmenistan has been in crisis, despite the presence of rich natural resources. In general, the economic growth of Turkmenistan is highly dependent on the export of mineral resources. According to the IMF (World Economic Outlook, 2022) [25] in 2020, the real GDP growth rate was negative and amounted to – 2.95%, and the nominal volume of GDP was USD 53.2 billion.

The foreign trade of Turkmenistan is characterized by a significant volume of gas and cotton exports, i.e. raw materials. China is the largest natural gas export market, and natural gas exports to the Russian Federation have been halted due to disputes over transit pricing. Below is the total trade volume of Turkmenistan.

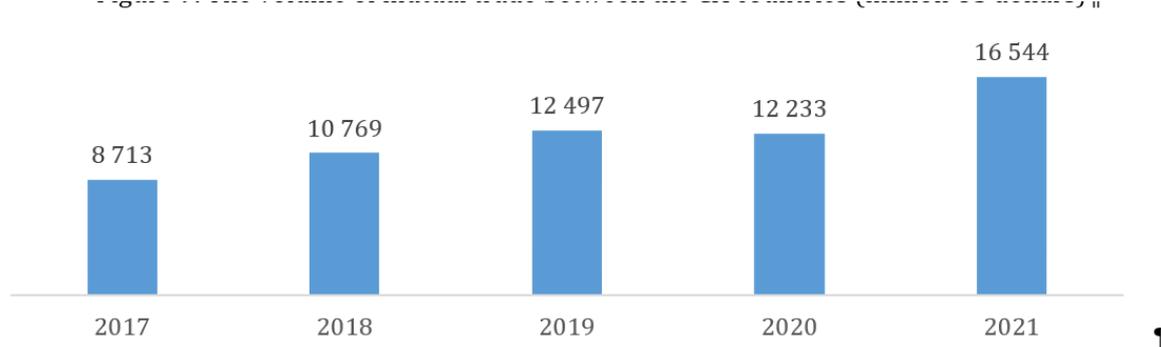
The next section presents an analysis of the level of intraregional trade among Central Asian countries.

2.1. Trade between Central Asian countries

Favorable conditions have been created between Central Asian countries for mutual trade within the framework of trade agreements. Despite the fact that the Central Asian countries are to varying degrees open to international and regional trade, the movement of labor and capital, they have great potential for establishing closer cooperative ties and integration among themselves.

Over the past 5 years, the countries of Central Asia have almost doubled the trade turnover between the countries from USD 8.7 billion to USD 16.5 billion.

Figure 9. The volume of mutual trade between the CA countries (million US dollars)

Source: Calculated based on data from the International Trade Center [22].

The total foreign trade turnover of the CA countries increased from USD 122.6 billion in 2017 to USD 159.4 billion in 2021, the share of intra-regional trade in the total foreign trade turnover increased from 7.1% in 2017 up to 10.4% in 2021.

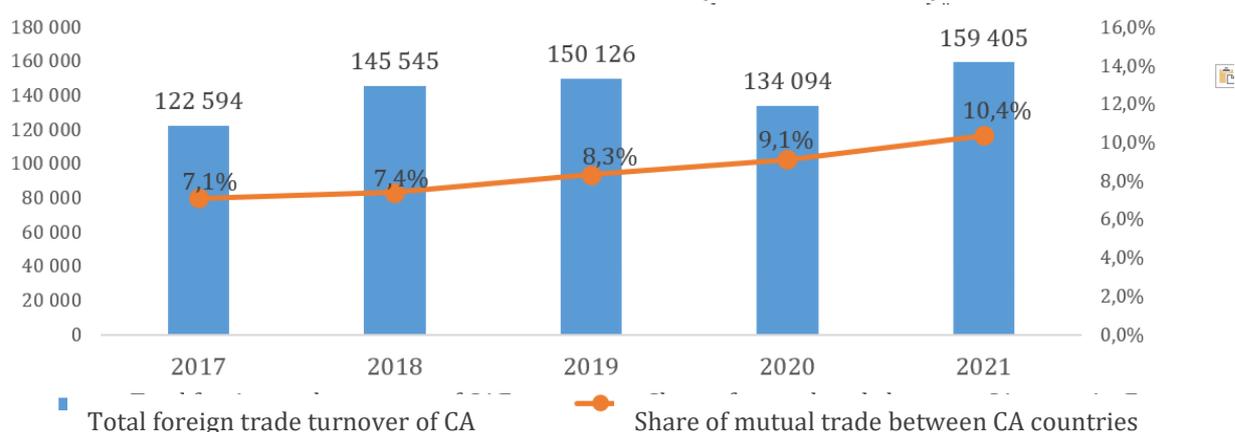
In the total foreign trade turnover of Kazakhstan, Uzbekistan and Turkmenistan, the Central Asian countries occupy a smaller share, and the participation of the Kyrgyz Republic and the Republic of Tajikistan in intra-regional trade is the highest and accounts for 22.4% and 28.0%, respectively.

The Republic of Kazakhstan and Turkmenistan are raw material exporters (gas and oil) and are less focused on the closest trading partners due to the insignificant size of the economy of their neighbors and the high demand for minerals in foreign countries.

The Republic of Uzbekistan until 2017 had a number of restrictions that did not allow to significantly increase the volume of trade cooperation with the nearest Central Asian countries. The reforms carried out by the Government of the Republic of Uzbekistan since 2017 have contributed to an increase in the volume of trade operations with the Central Asian countries.

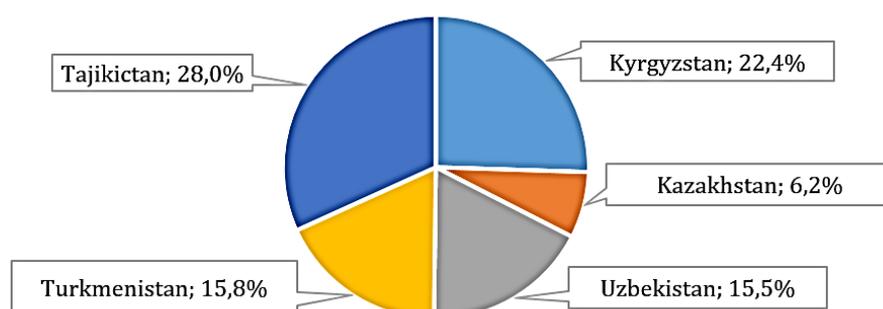
Table 1 shows the details of mutual trade in 2021 by country. The main share in the trade turnover between the Central Asian countries is occupied by the two largest economies of the region - Kazakhstan and Uzbekistan.

Figure 10. The volume of the region's foreign trade with the world and the share of mutual trade between the Central Asian countries (million US dollars)

Source: Calculated based on data from the International Trade Center [22].

Figure 11. Share of Central Asia in the country's foreign trade turnover (%)

Source: Calculated based on data from the International Trade Center [22].

Table 1. Mutual trade between the countries of Central Asia in 2021 (million USD)

	Kyrgyzstan	Kazakhstan	Uzbekistan	Turkmenistan	Tajikistan	Total	Share in TT of CA countries
Kyrgyzstan	0	1060	497	38	28	1622	9.8%
Kazakhstan	987	0	3 901	254	1 146	6 288	38.0%
Uzbekistan	928	3 725	0	783	427	5 862	35.4%
Turkmenistan	33	254	783	0	22	1092	6.6%
Tajikistan	26	1 179	453	22	0	1680	10.2%
Total	1974	6 217	5 633	1097	1623	16 544	100%

Note: TT - Trade turnover (the volume of mutual trade between the countries of Central Asia).

Source: Calculated based on data from the International Trade Center [22].

The dynamics of exports and imports by CA countries is presented in Table 2.

The main exporters to the CA countries are the Republic of Kazakhstan and the Republic of Uzbekistan, which have almost doubled their export volumes since 2017. At the same time, the volume of imports to these countries from the Central Asian countries increased by 33% for the Republic of Kazakhstan and almost three times for the Republic of Uzbekistan. Despite the increase in export and

import indicators, the Republic of Kazakhstan and the Republic of Uzbekistan are oriented towards countries from other regions (Russia, China, European and Asian countries).

Table 2. Trade operations between CA countries (million USD)

		2017	2018	2019	2020	2021
Kyrgyzstan	Export	473	456	537	479	584
	Import	765	694	826	705	1038
Kazakhstan	Export	2267	2887	3354	3466	4481
	Import	1352	1412	1151	1163	1807
Uzbekistan	Export	1274	1643	2114	1803	2218
	Import	1202	2018	2536	2717	3644
Turkmenistan	Export	198	299	435	461	743
	Import	115	126	171	155	100
Tajikistan	Export	394	471	403	245	493
	Import	674	764	970	1038	1202
Total	Export	4606	5 755	6 843	6 454	8 519
	Import	4 108	5014	5 653	5 779	7 791

Source: Calculated based on data from the International Trade Center [22].

Trade operations of the Kyrgyz Republic and the Republic of Tajikistan with the CA countries are characterized by moderate growth, except for Tajikistan's imports from the CA countries, which doubled. Turkmenistan has increased its exports to the Central Asian countries by more than 3.5 times.

Military actions in Ukraine and the imposed sanctions against the Russian Federation have a negative impact on most of the Central Asian countries. In order to minimize the negative consequences associated with the economic situation in the Russian Federation, diversification of trade flows and closer trade cooperation between the CA countries are required.

The first step towards deepening cooperation, including within the framework of trade cooperation and integration of the Central Asian countries, is the signing by the Kyrgyz Republic, the Republic of Kazakhstan and the Republic of Uzbekistan of an agreement on friendship, good neighborliness and cooperation for the development of Central Asia in the 21st century at the IV Consultative Meeting of the Heads of State of Central Asia on July 21, 2022 in Cholpon-Ata (Kyrgyz Republic). In turn, Turkmenistan and Tajikistan expressed their readiness to sign the agreement after the completion of internal procedures in these countries. This agreement determines the further vector of development and cooperation in Central Asia. In the long term, it is possible to sign a trade agreement between the Central Asian countries aimed at reducing trade barriers.

It should be noted that an important factor contributing to the increase in trade is the private sector and its access to financial resources. The next section provides information on the availability of financial resources and the role of local credit guarantee institutions in increasing the private sector's access to finance.

2.2. The Private Sector and Access to Finance in Central Asia

The private sector (especially small and medium-sized enterprises) is an important factor in economic growth and socio-economic situation in the CA countries. Private enterprises create jobs, provide employment for the population, contribute to raising the standard of living and social stability of society. The private sector can contribute to the growth of production and increase in the volume of foreign trade of the Central Asian countries with significant state support and the creation of a favorable business climate.

Understanding the importance of the private sector, especially SMEs, the Central Asian countries are consistently taking special measures aimed at creating favorable conditions for the formation and functioning of small and medium-sized enterprises. Measures are being taken to simplify licensing procedures, the list of activities subject to licensing is being reduced, and state support measures are being expanded.

To this end, a number of comprehensive measures aimed at the development of SMEs have been recently implemented, and the following important results have been achieved.

In the Kyrgyz Republic a number of reforms were carried out to liberalize legislation and business regulation. Laws have been adopted regulating licensing and permitting activities, the competitive environment, public-private partnerships and the sphere of natural monopolies. Amendments were made to the laws of the Kyrgyz Republic on state support for small businesses, the procedure for conducting inspections of SMEs, on simplifying the procedures for their registration and liquidation, protecting the rights of entrepreneurs, optimizing the regulatory framework for regulating business activities, on competition and natural monopolies.

In the Republic of Kazakhstan within the framework of the State program of business support and development "Business Roadmap-2020" financial and other support is provided to SMEs. An important direction of the program is the strengthening of entrepreneurial potential. This direction includes a set of projects on teaching the principles of doing business and consulting support for potential and start-up entrepreneurs.

In the Republic of Tajikistan in order to support industrial entrepreneurship, a moratorium on inspections for 2018-2019 has been announced and a number of tax incentives have been provided. The number of desk audits of small and medium-sized enterprises has been reduced by 2 times, the number of permits has been significantly reduced, and a unified state electronic register for permits has been created. Presidential grants are provided for the State Entrepreneurship Support Fund, for starting and developing a business, and developing women's entrepreneurship.

Significant progress has been made in the growth of entrepreneurial activity in the Republic of Uzbekistan, so by the Decree of the President dated October 5, 2017 "On additional measures to ensure the accelerated development of entrepreneurial activity, the comprehensive protection of private property and the qualitative improvement of the business climate", the Program of Comprehensive Measures was approved, according to which the implementation of measures was launched in 5 priority areas, including: legal regulation of entrepreneurial activity, reduction inspections and prevention of unreasonable interference in business activities, further liberalization of the responsibility of business entities, improvement of the financial system, taxation and customs, as well as improvement of conditions for doing business, increasing the investment attractiveness and international rating of the republic.

The existing development institutions of the Central Asian countries provide state support to the SME sector by providing services, financial services, and assistance in the field of innovation. A special role is given to the interaction of business and government.

Financial instruments such as national guarantee funds, microfinance programs for small businesses and individual entrepreneurs, etc., have been developed. Guarantee funds have proven to be effective tools for expanding the access of SMEs to financial services.

In the Republic of Kazakhstan back in 1997, the "Damu" Entrepreneurship Development Fund JSC was established with an authorized capital of USD 197 million. The functions of "Damu IDF" JSC have been expanded and the organization is engaged in portfolio and direct lending, subsidizing, and providing loan guarantees. The maximum guarantee amount is USD 481,000; the maximum share of the loan guarantee is 85%. Below are the main characteristics of the Kazakhstan lending market and guarantees of "Damu IDF" JSC.

In February 2017, the State Fund for Supporting the Development of Entrepreneurial Activities under the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan was established in Uzbekistan with an authorized capital of USD 50 million, the form of ownership is state. The maximum guarantee amount is

USD 240, 000, the maximum share of the loan guarantee is 50%. The activities of the Guarantee Fund of Uzbekistan are at an early stage and there is no information on issued loan guarantees in open sources.

Table 3. Main characteristics SME lending market of the Republic of Kazakhstan

	2018	2019	2020	2021
Loan portfolio, \$ mln	35 822	38 677	37 126	50 465
business loans, mln \$	22 825	22 072	20 556	28 871
Guarantees, mln \$	74	104	255	418
Loans with guarantees, mln \$	170	267	655	857
Guaranteed loans/CP BS	0.5%	0.7%	1.8%	1.7%

Source: FRP "Damu" [26]; National Bank of Kazakhstan [27].

Table 4. Main characteristics SME lending market of the Republic of Uzbekistan

	2018	2019	2020	2021
Loan portfolio, \$ mln	20 080	22 254	26 437	29 959
business loans, mln \$	17 150	18 734	22 020	23 546
Guarantees, mln \$	72	91	398	323
Loans with guarantees, mln \$	224	260	978	829
Guaranteed loans/CP BS	1,1%	1,2%	3,7%	2,7%

Source: Bulletin of the Central Bank of Uzbekistan [28].

In the Kyrgyz Republic, the Government, with the support of the Asian Development Bank, established the "Guarantee Fund" OJSC ("GF" OJSC) in 2016 to support small and medium-sized businesses throughout the country. To date, the authorized capital of OJSC "GF" is USD 80 million, the form of ownership is private (the shareholder is the state represented by the National Bank of the Kyrgyz Republic and the State Property Management Fund under the Government of the Kyrgyz Republic). Direction – provision of guarantees for loans, the maximum amount of the guarantee is USD 8 million, the maximum share of the guarantee from the loan is 50%.

Table 5. Main characteristics of the market lending to SMEs of the Kyrgyz Republic

	2018	2019	2020	2021
Loan portfolio, \$ mln	1 831	2 107	1947	2138
business loans, mln \$	1458	1639	1 532	1642
Guarantees, mln \$	7	11	10	14
Loans with guarantees, mln \$	23	36	35	46
Guaranteed loans/CP BS	1.2%	1.7%	1.8%	2.1%

Source: OJSC Guarantee Fund [29]; Bulletin of the National Bank of the Kyrgyz Republic [30].

Since 2014, the Credit Guarantee Fund of Tajikistan has been operating in Tajikistan with an authorized capital of USD 14.2 million, the form of ownership is international (DEG, OeEB, FMO). Providing a guarantee, the maximum amount of the guarantee is USD 500.000, the maximum share of the guarantee from the loan is 60%.

A feature of this guarantee fund in Tajikistan is that it was created with the assistance of the German side and decisions to provide loan guarantees are made in Germany, which slows down the process of making a decision on issuing a guarantee.

Table 6. Key characteristics of the SME lending market in the Republic of Tajikistan

	2018	2019	2020	2021
Loan portfolio, \$ mln	920	1001	963	1059
business loans, mln \$	873	917	943	894
Guarantees, mln \$	-	-	-	-
Loans with guarantees, mln \$	-	-	-	-

Source: Bulletin of the National Bank of Tajikistan [31].

It should be noted that in 2019, with the support of OJSC "Guarantee Fund" (Kyrgyz Republic), the NGO "Zamonat" was created according to the Kyrgyz model of the guarantee fund with a capital of USD 250.000, which does not allow to significantly influence the expansion of access to financing. This guarantee fund is currently in its infancy and provides individual guarantees with a maximum guarantee coverage of 50% of the loan amount.

The above Guarantee Funds (Institutions) have been established to expand the availability of financial resources, but the Guarantee Funds in Uzbekistan and Tajikistan are at an early stage and have not yet realized their potential. At the same time, in most Central Asian countries, guarantee funds mainly provide guarantees for loans and trade finance instruments are not widely used.

At the same time, there is no mechanism in the CA countries to reduce the risks of guaranteeing large projects aimed at expanding trade cooperation. In this case, a larger international guarantee fund is needed, which will guarantee part of the portfolio of national guarantee funds and minimize risks.

Nevertheless, despite the existence of national guarantee funds, the availability of financial resources remains one of the main factors in the development and growth of SMEs. An equally serious problem is the high interest rate on loans provided by commercial banks.

In the CA countries, the private sector claims that difficulties in accessing finance constitute one of the main barriers to starting, running and developing their businesses. SMEs face significant barriers to obtaining finance.

World Bank data from enterprise surveys show that access to finance remains one of the main constraints to the development of the SME sector (Fig. 12).

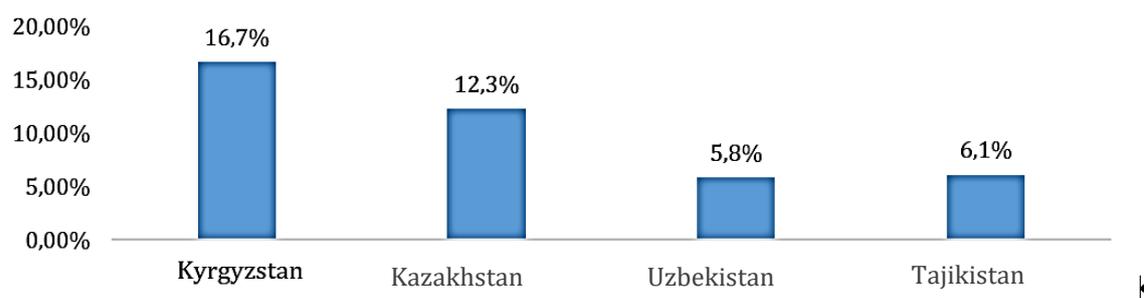
As can be seen from the chart (Fig. 12), specific numbers vary by country, as in Kyrgyzstan 16.7% of SMEs find access to finance a significant challenge, while in Uzbekistan only 5.8% of SMEs report that access to finance is a major constraint.

In particular, SMEs tend to face higher interest rates and tighter credit conditions, face more credit rationing than large companies, and have less access to official sources of finance.

Financial and credit institutions consider lending to SMEs to be associated with higher risks. The reason for this is often the lack of transparency of SMEs and high transaction costs, insufficient collateral, poor credit history and, in many cases, a lack of knowledge about financial products, as well as the professional skills needed to prepare complex financial statements.

SMEs are more affected by the fact that administration and lending processes are often complex and burdensome. Agricultural SMEs, which make up the bulk of such businesses in the region, often face the risks of high collateral requirements that are almost unsustainable for farmers whose main assets are land and buildings, typically located in remote rural areas and therefore do not have a significant market value. The need for collateral for loans also hinders the emergence and development of new innovative enterprises and SMEs whose business models are based on intangible goods.

Figure 12. Percentage of SMEs in Central Asia for which access to finance is a major constraint

Note: no data available for Turkmenistan

Source: World Bank (2019) [32].

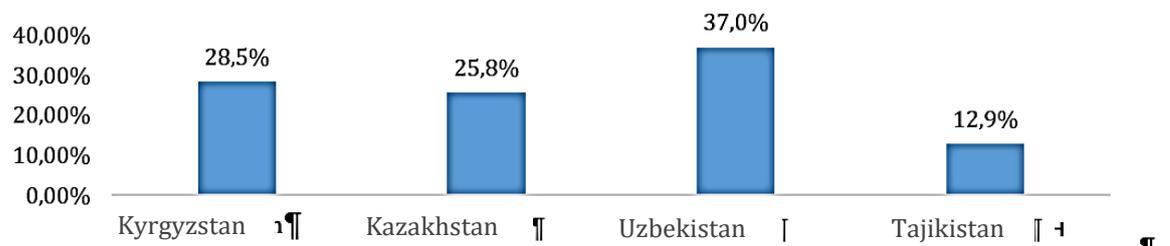
About 30-40% of potential borrowers from Central Asian countries who applied to banks cannot receive the requested loan amount to develop their business due to insufficient collateral. Insufficient supply of credit resources of the banking system with a high demand for them does not allow reducing interest rates on loans.

SMEs often use personal finance in their activities, however, bank financing is the most widely used external financing tool in the countries of Central Asia.

Only a small number of SMEs in the region actively use banks to finance their investments and working capital. Less than 25% of companies turn to banks to finance their working capital; by comparison, in middle-income countries this figure is about 31.6%.

For the region as a whole, private sector lending was 26% of gross domestic product (GDP) in 2020, compared to 147% of GDP in OECD countries and 95% of GDP in middle-income countries. Other funding options, such as early stage funding through business angels, venture capitalists and credit unions, are very limited.

Figure 13. Private sector lending as % of GDP in 2020

Source: World Bank [21].

The banking systems in most Central Asian countries finance imports to a greater extent, while export lending is quite limited, for example, in the Kyrgyz Republic, no more than 5% of the total loan portfolio of the banking system is directed to export operations. According to the UNDP trade finance study, the need of exporters for credit resources is estimated at 25% of the average revenue of a business entity (UNDP, 2016) [23].

It should be noted that according to the survey of enterprises "Pulse of Business" since February 2022, 65% of businesses in Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan are facing production costs. Moreover, enterprises exporting products or companies from the Russian Federation and Ukraine reported an average 5% decrease in sales, while sales of enterprises not selling to the Russian Federation or Ukraine increased by an average of 5%.

At the same time, since February 2022, businesses from the three CA countries have been facing financial difficulties, which may be related to declining profitability and difficult access to new credit financing. Such difficulties are experienced by about 25% of the surveyed enterprises, in connection

with which they need to adjust loans and reduce the debt burden. This problem is most acutely felt in the Kyrgyz Republic, which is the most integrated with the Russian Federation in terms of trade relations out of the three above-mentioned countries.

The above data are presented in the World Bank's "Business Pulse" survey conducted after the events of February 2022 (World Bank, 2022) [24].

Limited access to financing does not allow the private sector to fully realize its production potential and increase exports to the Central Asian countries. At the same time, it is necessary to support infrastructure projects aimed at developing trade relations in the medium term.

Increasing the export capacity of the private sector through access to finance can help create regional value chains in Central Asia, including industrial and agricultural clusters. At the same time, it is necessary to pay attention to the digital economy and the creation of digital trading platforms for the private sector of the Central Asian countries.

Thus, in recent years, certain successes have been achieved in the countries of Central Asia to expand the availability of financing (national guarantee funds have been created). At the same time, the analysis of trade between the countries of Central Asia shows a moderate increase in the volume of mutual trade; and the geopolitical situation and turmoil for the world economy affect Central Asian countries to a greater extent, since the main trading partner is the Russian Federation. It is necessary to help the countries of the region to redirect and diversify trade flows to increase the volume of mutual trade between Central Asian countries.

Figure 14. Share of enterprises in need of short-term credit adjustment (in %)

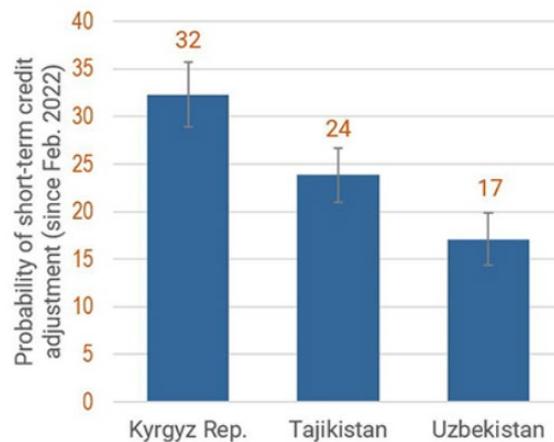
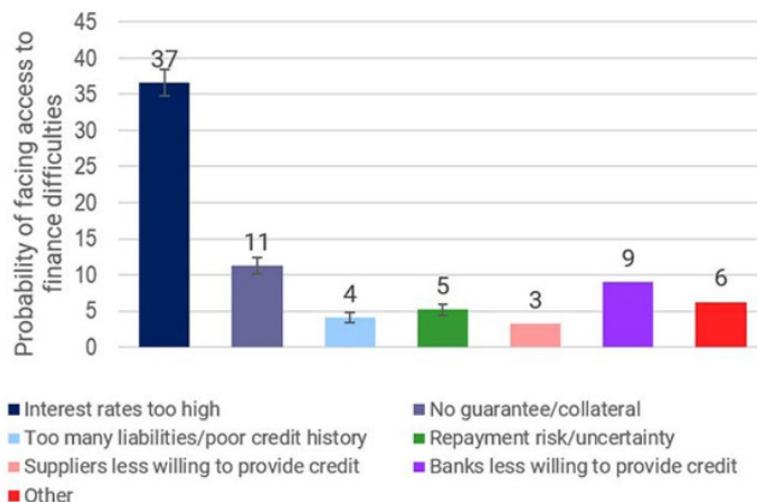

Figure 15. Main difficulties of firms in accessing credit (in %)

Considering the foregoing, it is necessary to assess the potential growth in the volume of mutual trade between the Central Asian countries based on the gravity model of foreign trade, as well as to propose a tool that helps expand the availability of financial resources to realize the potential in trade.

3. Assessment of trade potential between Central Asian countries based on a gravity model

3.1. Gravity Model Methodology

The gravity model of trade is an economic model that describes trade flows between two countries based on the Newton's law of gravity in physics. The gravity model was first applied in 1962 by Jan Tinbergen in economics [16].

The theoretical basis of the gravity model, by analogy with the gravitational equation, comes from the assumption that the interaction between countries (foreign trade) is directly proportional to their economic weight, and inversely to the barriers that stand in their way. The distance between trading partners is used as trading costs in the academic literature [10; 8].

The basic formula of the gravity model is as follows:

$$Ex_{ij} = A \frac{GDP_i^\alpha * GDP_j^\beta}{D_{ij}^\gamma} \quad (3.1)$$

π

Ex_{ij} – trade flows between two countries as the sum of goods and services exported from country i to country j;

GDP_i and GDP_j – the gross domestic product of country i and country j;

D_{ij} – geographical distance between two countries;

A – constant.

The parameters α , β and γ are constants that are subject to empirical evaluations. They weight variables according to their influence. The larger the parameters, the greater the influence of the variables.

Logarithm allows us to convert the multiplicative form into an additive one, which is more convenient for econometric estimation methods:

$$\ln Ex_{ij} = \beta_0 + \beta_1 \ln Y_i + \beta_2 \ln Y_j + \beta_3 \ln D_{ij} \quad (3.2)$$

In order to increase its effectiveness and relevance, the model has supplemented with various relevant variables that have an impact on mutual trade. Such variables are the presence of a common border between countries, a common official language and the similarity of languages or the presence in the country of a population that speaks the language of the trading partner country, as well as whether the countries are members of the same integration (EAEU) [1; 2; 4; 5; 6; 12]. Such variables are introduced into the model as dummy variables.

The source of information for the calculations of the gravity model is the database of the World Bank and the International Monetary Fund (IMF), data from the trade statistics website trademap.org, and also official data from the statistical authorities of the Central Asian countries were used [21; 20; 22].

Taking into account additional variables (parameters), the gravity model takes the following form:

$$\ln(Ex_{ij}) = \beta_0 + \beta_1 \ln(GDP_i) + \beta_2 \ln(GDP_j) + \beta_3 \ln(D_{ij}) + \beta_4 combor_{ij} + \beta_5 lang\_off_{ij} + \beta_6 lang\_eth_{ij} + \beta_7 integr_{ij} + U_{ij} \quad (3.3)$$

Description of the parameters (variables) of the gravity model of trade is given in Table 7.

This gravity model uses purchasing power parity (PPP) GDP as a parameter (variable) of a country's economic size to minimize the impact of fluctuations in the exchange rate of the national currency against the US dollar.

It should be noted that a separate gravity model with the above parameters was applied for each CA country (the Integr_{ij} variable is used only for Kyrgyzstan and Kazakhstan).

Table 7. The value of the parameters of the gravity model of trade

Variable name	Variable Description
ln(exp _{ij})	exports from the i country to the j country, in USD million (in logarithmic form);
ln(GDP _i)	GDP of the I country, in USD millions at PPP (in logarithmic form);
ln(GDP _j)	GDP of the partner country, in thousands USD at PPP (in logarithmic form);
ln(D _{ij})	distance between the capitals (economic centers) of trade partners;
combor _{ij}	a dummy variable reflecting the presence of a common border (1 - there is a common border, 0 - there is no common border);
lang_off _{ij}	the presence of a common official language (Russian), Dummy variable
lang_eth _{ij}	the presence of a common ethnic language; Dummy variable
Integr _{ij}	whether the countries are members of the same integration (EAEU); Dummy variable
U _{ij}	Error

All continuous variables were converted to logarithmic form to estimate the elasticity of exports for all factors included in the gravity model. Export elasticity was assessed on the basis of indicators for the last 2-3 years. The elasticity calculation covers 30 major trading partners, whose share is more than 90% of the total exports of each CA country.

Table 8 presents statistical information about the parameters (variables) of the gravity model for each CA country.

Table 8. Descriptive statistics of variables of the gravity model of the Central Asian countries

Variable	Number of observations	Averages	Standard deviation	Minimum	Maximum
Kyrgyz Republic					
LNexp	60	2.00	2.10	-1.84	6.90
LNgdp_kg	60	3.53	0.04	3.49	3.57
LNgdp_partner	60	6.52	1.80	3.60	10.22
LN_Dist	60	7.95	0.85	5.24	9.26
Combor	60	0.13	0.34	0	1
lang_off	60	0.37	0.49	0	1
lang_eth	60	0.10	0.30	0	1
Integr	60	0.10	0.30	0	1
The Republic of Kazakhstan					
LNexp	60	6.77	1.12	4.34	9.20
LNgdp_KAZ	60	6.26	0.04	6.22	6.30
LNgdp_partner	60	6.85	1.75	3.49	10.22
LN_Dist	60	8.05	0.83	5.24	9.54
Combor	60	0.17	0.38	0	1
lang_off	60	0.23	0.43	0	1
lang_eth	60	0.07	0.25	0	1
Integr	60	0.07	0.25	0	1
The Republic of Uzbekistan					
LNexp	60	4.70	1.44	2.39	7.84

LNgdp_UZ	60	5.64	0.06	5.58	5.69
LNgdp_partner	60	6.73	1.77	3.49	10.22
LN_Dist	60	7.86	0.86	5.73	9.26
Combor	60	0.15	0.36	0	1
lang_off	60	0.33	0.48	0	1
lang_eth	60	0.23	0.43	0	1
The Republic of Tajikistan					
LNexp	60	1.44	2.82	-6.91	6.39
LNgdp_RT	60	3.67	0.06	3.60	3.73
LNgdp_partner	60	6.62	1.64	5.73	9.28
LN_Dist	60	7.87	0.84	5.73	9.28
Combor	60	0.13	0.34	0	1
lang_off	60	0.27	0.45	0	1
lang_eth	60	0.10	0.30	0	1
Turkmenistan					
LNexp	88	3.13	2.03	-2.17	6.77
LNgdp_TK	88	6.25	0.04	6.22	6.30
LNgdp_partner	88	6.55	1.87	3.49	10.22
LN_Dist	88	7.81	0.73	6.50	9.43
Combor	88	0.17	0.38	0	1
lang_off	88	0.32	0.47	0	1
lang_eth	88	0.18	0.39	0	1

Source: Calculated based on data from the International Trade Center, World bank, IMF [20; 21; 22].

According to the theory, the coefficient of the exporter's and importer's GDP should have a positive sign, since GDP is an indicator of the exporter's production capacity and an indicator of the importer's market size, which are factors influencing the trade (export) of countries. In turn, the distance between countries should have the opposite effect, since greater distance between countries increases transport and customs costs. The presence of a common border, a common official and ethnic language should theoretically have a positive effect on trade between countries [7; 9; 11; 13; 14].

3.2. Results for the gravity model of trade.

The results of the regression analysis for calculating the elasticity coefficients of the gravity model variables are presented in Table 9.

Table 9. Coefficients for the gravity model of exports of Central Asian countries

Variable	Kyrgyzstan	Kazakhstan	Uzbekistan	Tajikistan	Turkmenistan
const	-12.94	-11.17	-7.69	-2.24	-28.37
LNgdp	4.80	2.57	2.05	1.45	4.94
LNgdp_partner	0.43	0.33	0.51	0.13	0.15
LN_Dist	-0.68	-0.07	-0.42	-0.35	-0.11
combor	1.18	0.52	0.28	1.85	1.27
lang_off	0.89	-0.04	0.81	-0.33	0.51
lang_eth	0.03	0.37	1.81	1.29	0.91
integral	1.44	0.46	-	-	-

The results of the regression analysis confirm the theoretical conclusions, for example, the GDP of the exporting and importing country has a positive effect on exports, while the distance between countries has a negative effect.

It should be noted that Kazakhstan and Tajikistan received a negative coefficient for the lang_off variable (-0.04 and -0.33, respectively).

A detailed study of Kazakhstan's exports highlights the raw material (oil) orientation and the main importers are European and Asian countries, i.e. Kazakhstan does not export oil and oil products to CIS countries, which affects the negative coefficient result on the "lang_off" variable (-0.04), but this coefficient is close to zero and is statistically insignificant.

In turn, Tajikistan received a negative coefficient for the lang_off variable (-0.33) due to a greater focus on countries with a similar language, for example, Afghanistan and Iran, which is confirmed by the positive coefficients "lang_eth" (1.29).

The coefficient for the "Integration" variable (applied for Kyrgyzstan and Kazakhstan, which are members of the EAEU) is positive (1.44 and 0.46 respectively), which demonstrates a positive effect on trade.

The obtained coefficients in Table 9 were applied in the formula of the gravity model of exports of CA countries to assess the export potential of 5 CA countries based on actual data for 2021. The calculation results are presented in table 10.

Table 10. Estimation of export potential in CA countries (million USD)

Exporter	Importer	Fact	Calculation	Growth in abs. terms	Growth in %
Kyrgyzstan	Kazakhstan	374.7	927.8	553.1	148%
Kyrgyzstan	Tajikistan	23.8	30.8	7.0	thirty%
Kyrgyzstan	Turkmenistan	5.1	8.2	3.2	62%
Kyrgyzstan	Uzbekistan	180.1	90.9	-89.2	-fifty%
Exporter	Importer	Fact	Calculation	Growth in abs. terms	Growth in %
Uzbekistan	Kazakhstan	1178.4	1551.8	373.4	32%
Uzbekistan	Tajikistan	501.9	578.4	76.5	fifteen%
Uzbekistan	Turkmenistan	191.9	432.7	240.8	125%
Uzbekistan	Kyrgyzstan	792.0	442.0	-350.1	-44%
Exporter	Importer	Fact	Calculation	Growth in abs. terms	Growth in %
Kazakhstan	Kyrgyzstan	625.2	1063.8	438.6	70%
Kazakhstan	Tajikistan	800.3	319.7	-480.6	-60%
Kazakhstan	Turkmenistan	211.5	589.8	378.3	179%
Kazakhstan	Uzbekistan	2844.1	1646.4	-1197.7	-42%
Exporter	Importer	Fact	Calculation	Growth in abs. terms	Growth in %
Turkmenistan	Kazakhstan	42.8	252.5	209.6	489%
Turkmenistan	Kyrgyzstan	32.8	48.4	15.7	48%
Turkmenistan	Tajikistan	22.2	21.0	-1.2	-5%
Turkmenistan	Uzbekistan	687.8	245.0	-442.8	-64%
Exporter	Importer	Fact	Calculation	Growth in abs. terms	Growth in %
Tajikistan	Kazakhstan	360.1	3.5	-356.5	-99.0%
Tajikistan	Kyrgyzstan	5.6	17.3	11.7	210.9%
Tajikistan	Turkmenistan	0.01	3.5	3.4	57458.5%
Tajikistan	Uzbekistan	126.7	108.7	-18.0	-14.2%

Source: Calculated based on data from the International Trade Center, World bank, IMF [22; 21; 20].

The above results are obtained taking into account the given parameters (variables) of the gravity model and the elasticity of exports in relation to the parameters (variables) for the last 2-3 years.

The results of gravity modeling of trade between the CA countries demonstrate the potential for increasing trade volumes.

For example, Kyrgyzstan can increase exports to Kazakhstan, Tajikistan and Turkmenistan and the total potential increase in exports to these countries could amount to USD 563 million.

Uzbekistan has the potential to increase exports by USD 691 million also to Kazakhstan, Tajikistan and Turkmenistan.

Kazakhstan, being a major economy in the region, also has the potential to increase exports to the Central Asian countries in the amount of USD 817 million.

Turkmenistan also has the potential to increase exports to Kazakhstan and Kyrgyzstan, the total increase in exports could reach USD 225 million.

The potential growth of Tajikistan's exports to the Central Asian countries according to the model is USD 15 million.

Thus, the total increase in exports of the Central Asian countries according to the model could amount to USD 2.3 billion, and, accordingly, the potential increase in trade turnover between the countries could amount to USD 4.6 billion.

Given that the Central Asian countries have concluded an agreement on friendship, good neighborliness and cooperation for the development of Central Asia in the 21st century, which contributes to further steps to expand cooperation between the countries and may lead to the conclusion of a regional trade agreement in the future. The conclusion of a regional trade agreement will remove barriers and lead to an increase in trade between the CA countries.

For example, existing gravity model estimates in the literature (Baier and Bergstrand, 2007) document that a free trade agreement roughly doubles the two-way trade of two trading partner members over an average of 10 years [3].

Considering the above, the gravity model was calculated to estimate the effects of reciprocal measures by CA countries to increase trade between countries (conclusion of a regional trade agreement, creation of mechanisms to stimulate trade between countries, etc.). The gravity model introduces an upward coefficient as a dummy variable that, all other things being equal, leads to an increase in trade volumes. The results of the gravity model with an increasing coefficient are given below.

Table 11. Assessment of export potential with a multiplying factor (million US dollars)

Exporter	Importer	Fact	Calculation	Growth in abs. terms	Growth in %
Kyrgyzstan	Kazakhstan	374.7	2522.1	2147.3	573%
Kyrgyzstan	Tajikistan	23.8	83.8	60.0	252%
Kyrgyzstan	Turkmenistan	5.1	22.4	17.3	342%
Kyrgyzstan	Uzbekistan	180.1	247.2	67.1	37%
Exporter	Importer	Fact	Calculation	Growth in abs. terms	Growth in %
Uzbekistan	Kazakhstan	1,178.4	4218.1	3,039.7	258%
Uzbekistan	Tajikistan	501.9	1572.3	1,070.4	213%
Uzbekistan	Turkmenistan	191.9	1,176.1	984.2	513%
Uzbekistan	Kyrgyzstan	792.0	1201.4	409.4	52%
Exporter	Importer	Fact	Calculation	Growth in abs. terms	Growth in %
Kazakhstan	Kyrgyzstan	625.2	2,891.8	2266.6	363%
Kazakhstan	Tajikistan	800.3	869.2	68.8	9%
Kazakhstan	Turkmenistan	211.5	1603.2	1391.6	658%
Kazakhstan	Uzbekistan	2844.1	4475.4	1631.2	57%

Export	Importer	Fact	Calculation	Growth in abs. terms	Growth in %
Turkmenistan	Kazakhstan	42.8	686.3	643.5	1502%
Turkmenistan	Kyrgyzstan	32.8	131.7	98.9	302%
Turkmenistan	Tajikistan	22.2	57.1	34.9	157%
Turkmenistan	Uzbekistan	687.8	665.9	-21.9	-3%
Export	Importer	Fact	Calculation	Growth in abs. terms	Growth in %
Tajikistan	Kazakhstan	360.1	18.1	-341.9	-95.0%
Tajikistan	Kyrgyzstan	5.6	88.5	83.0	1493.5%
Tajikistan	Turkmenistan	0.01	17.7	17.7	294881.7%
Tajikistan	Uzbekistan	126.7	556.9	430.2	339.6%

Source: Calculated based on data from the International Trade Center, World bank, IMF [22; 21; 20].

The results of the gravity model with a multiplying factor demonstrate a significant effect of the mutual measures of the Central Asian countries aimed at deepening cooperation in the field of trade.

The potential increase in exports is \$14.5 billion, and the volume of growth in potential trade turnover could be \$29 billion more than the volume of trade between the CA countries in 2021.

Achieving this increase in trade volumes between the CA countries is possible with the removal of trade barriers within 5-7 years and with significant support to business entities by expanding access to financing.

In order to more accurately determine potential export products, it is necessary to analyze trade by commodity groups and production capabilities of the CA countries.

The next section proposes the creation of an international regional institution to support the private sector and assist the Governments of the Central Asian countries in providing access to finance in order to increase production and export opportunities.

4. The Central Asian Guarantee Fund is a development institution that promotes increasing trade between Central Asian countries

The realization of the trade potential of Central Asia is possible with the implementation of mutual measures by the Central Asian countries themselves in the field of expanding the availability of financing and reducing trade barriers. At the same time, a key factor in the implementation of measures to expand cooperation is the system of credit guarantees that provide access to the necessary financing.

The CA countries have introduced loan guarantee systems, but the level of access to finance is increasing slowly. One of the reasons is the initial stage of formation of guarantee institutions in Tajikistan and Uzbekistan. In Kyrgyzstan and Kazakhstan, guarantee institutions (OJSC "Guarantee Fund" and DAMU Entrepreneurship Development Fund, respectively) are increasing the issuance of guarantees and expanding the availability of financing for SMEs, while facing issues of capitalization and minimization of guarantee risks.

Given the above, it is necessary to create an international Central Asian Guarantee Fund, which will be at the level of a regional institution for the development and support of the private sector.

The Central Asian Guarantee Fund (hereinafter referred to as CAGF) will provide support to national guarantee funds, as well as apply various instruments of financing, insurance of export operations. The activities of the CAGF will be aimed at increasing the volume of mutual trade and trade cooperation between countries, creating regional value chains, including industrial and agricultural clusters.

Given the above, the main tasks of the CAGF are formulated below:

- Ensuring long-term socio-economic development of the Central Asian countries.
- Increasing the volume of mutual trade between the Central Asian countries.
- Formation and implementation of a strategy with the identification of priority sectors of each CA country, including a competitive offer.
- More effective support of exports and results monitoring (export discipline).

- Ensuring access to financing through the introduction and application of various financing instruments, including trade finance, counter-guarantees, co-guarantees.

- Insurance of trade transactions between SMEs of the Central Asian countries.

CAGF can work in four main areas of activity:

1) Ensuring SMEs have access to finance by providing guarantees for loans, expanding the use of trade finance instruments in the CA countries, etc.

2) Development of priority sectors and export-oriented industries: to formulate and implement a strategy with the identification of priority sectors of each CA country, including a competitive offer, more effective support for exports and monitoring of results (export discipline).

3) Insurance of export-import transactions between SMEs of the Central Asian countries in order to protect against the risks of export-import operations, which contributes to a more dynamic growth in trade volumes between the CA countries.

4) Support for national guarantee funds in risk sharing: the introduction of various instruments of guarantee support for export-oriented enterprises and a system of counter-guaranteeing the existing guarantee funds of the Central Asian countries.

The CAGF will be a self-sustaining and financially sustainable organization due to interest income from the placed guarantee capital in deposits of financial and credit institutions, and the commission received from providing a guarantee.

In order to effectively operate the CAGF, it is necessary to determine the model for the functioning of this institution and create it on the basis of an existing guarantee institution for the effective launching and functioning of the CAGF. For example, the guarantee institutions of Uzbekistan and Tajikistan cannot serve as a basis for the creation of the CAGF due to the short period of activity. The "DAMU" Entrepreneurship Development Fund (Kazakhstan), in addition to providing guarantees, performs other functions related to concessional lending through banks and subsidizing interest rates under government programs.

Given the above, the creation of the CAGF is possible on the basis of OJSC "GF" or as a newly created institution.

In the first option, the basis for the creation of the CAGF can serve OJSC "GF", which has achieved sustainable development over the past 5 years and is the only specialized institution that provides guarantee support to business entities. The model of the guarantee fund in the Kyrgyz Republic for the support and development of SMEs has been recognized by international financial institutions as successful, sustainable and effectively helping entrepreneurs. One of the main achievements of OJSC "GF" is the repayment rate of guarantees, which is 99.8% with issued guarantees in the amount of more than USD 55 million.

In the second option, the creation of CAGF as a newly created institution, with the opening of the head office in Bishkek, the Kyrgyz Republic and branches in the Central Asian countries. This option is based on the development model of the guarantee fund in the Kyrgyz Republic, as well as the availability of professional skills of employees in the creation and successful operation of OJSC "GF", which can be used in the work of CAGF and its branches.

The established CAGF will be an international organization - a subject of international law, have international legal capacity and have the right to conclude international agreements within its competence and will not be a supervised institution of the central (national) banks of the Central Asian countries.

CAGF and its branches in the CA countries will interact with financial and credit institutions (hereinafter referred to as FCI) and guarantee funds of these countries on the basis of agreements and provide guarantee support in order to access financial resources and share risks with national FCIs and guarantee funds.

The interaction of CAGF with the national guarantee funds of the CA countries will be aimed at sharing risks through re-guaranteeing, introducing new tools and products, providing advice and methodological assistance in building the business processes of the Guarantee Funds and the legislative framework in the CA countries.

Increasing access to financing for export-oriented enterprises using guarantee support tools, to facilitate FCIs in conducting factoring operations (repurchase of export contracts), documentary operations with guarantee support from the CAGF.

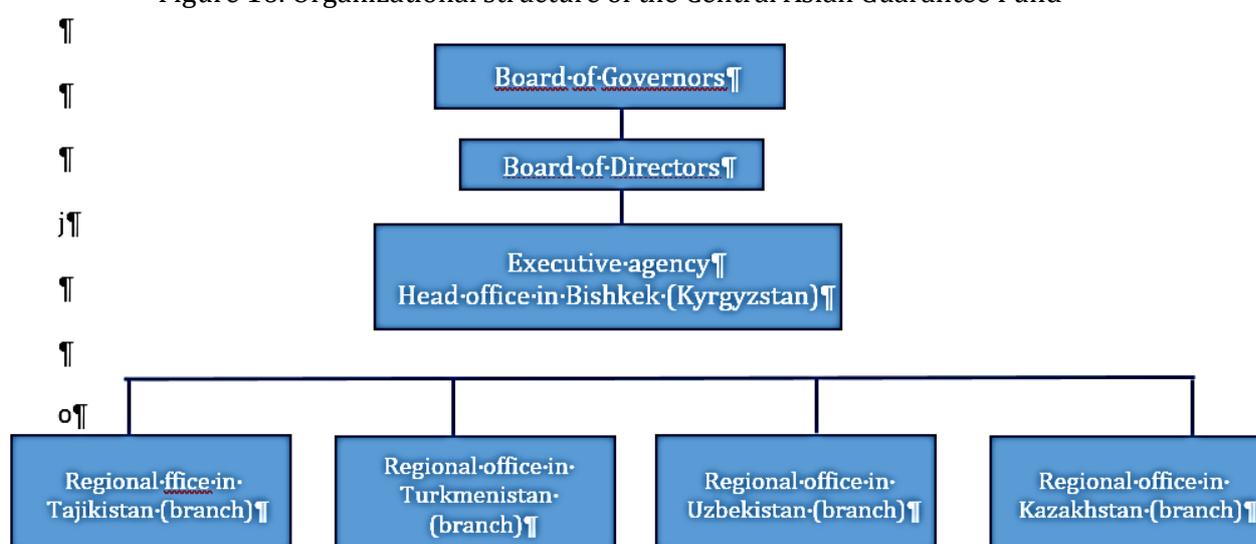
Implementation of the guarantee instrument "Guarantee of a credit transaction between enterprises (contract performance guarantee, guarantee of obligations under the transaction)" in the import-export operations between the CA countries.

Formation of CAGF capital.

The main issue in the creation of CAGF is the sources of capital formation and its size.

Considering that the need for financing is 25% of the revenue of a business entity, and the actual trade turnover between the CA countries is USD 16.5 billion, the volume of trade financing is USD 4.1 billion. When applying the multiplier coefficient in CAGF 1 to 10, then the required amount of initial capital of CAGF will be USD 400 million.

Figure 16. Organizational structure of the Central Asian Guarantee Fund

The capital of CAGF in the amount of USD 400 million can be formed based on 2 options:

1) 5 CA countries will contribute USD 80 million each and form capital in the amount of USD 400 million;

This option is possible if the Governments of all Central Asian countries are interested and will allocate appropriate funding from the state budget. In turn, the Kyrgyz Republic, when creating the CAGF on the basis of OJSC "GF", can use the capital of OJSC "GF" (80 million US dollars) as a contribution to the formation of the CAGF.

2) Formation of initial capital in the amount of USD 400 million will be at the expense of international financial institutions (ADB, IFC, WB, EBRD and other international financial institutions). At the same time, financial institutions of the Central Asian countries can also take part in the formation of capital and become one of the shareholders.

The proposed organizational structure is presented above (figure 16) and consists of three governing bodies and regional offices (branch) in the CA countries.

5. Conclusion

The results of the assessment of mutual trade based on the mathematical gravity model show the potential to increase the volume of trade between the CA countries, which can be realized with the creation of CAGF with a capital of USD 400-500 million. CAGF contributes to an increase in trade turnover between CA countries by more than USD 29 billion.

The formation of capital in the amount of USD 400-500 million is preferably to be carried out at the expense of funds of interested international financial institutions.

At the same time, it is necessary to determine the model of CAGF functioning and to establish it on the basis of the existing guarantee institution for its effective launching and functioning. The establishment of CAGF is possible on the basis of OJSC "GF" as the only specialized guarantee institution in Central Asia.

It is also possible to establish the CAGF as a newly created institution with the opening of the head office in Bishkek, due to the presence of a successful model of guarantee fund development in the Kyrgyz Republic, as well as the presence of professional skills of employees in the creation and successful operation of the OJSC "GF", which can be used in the activities of the CAGF.

Globally, there is a regional-level institution similar to the proposed CAGF, the "Country Guarantee and Investment Facility," with ASEAN+3 and the Asian Development Bank as founding members. This institution aims to guarantee corporate bonds of ASEAN+3 companies in order to provide access to the Southeast Asian bond markets.

In turn, the Central Asian Guarantee Fund will make it possible to realize the trade potential through the introduction and wide use of trade finance instruments, support for large infrastructure projects that promote trade and support for national guarantee funds in Central Asian countries.

Reference

1. Anderson, J.E. (1979). "A theoretical foundation for the gravity equation". *American Economic Review*, 69(1), p. 106-116. – URL: <https://doi.org/10.1126/science.151.3712.867-a>
2. Bergstrand, J.H. (1985). "The Gravity Equation in International Trade: Some Microeconomic Foundations and Empirical Evidence". *The Review of Economics and Statistics*, 67(3), p. 474-481. – URL: <https://doi.org/10.2307/1925976>
3. Baier, S.L. and Bergstrand, J.H. (2007). "Do Free Trade Agreements Actually Increase Members' International Trade?" *Journal of International Economics*, 71, p. 72-95. – URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jinteco.2006.02.005>
4. Deardorff, A.V. (1998). "Determinants of Bilateral Trade: Does Gravity Work in a Neoclassical World?" In Jeffrey A. Frankel (Ed.). *The Regionalization of the World Economy*. University of Chicago Press. – URL: <http://www.nber.org/chapters/c7818>
5. Elshehawy, M.A., Shen, H. & Ahmed, R.A. (2014). "The factors affecting Egypt's exports: Evidence from the gravity model analysis". *Open Journal of Social Sciences*, 2(11), p. 138-148.
6. Khan, S., Ul Haq, I. & Khan, D. (2013). "An Empirical Analysis of Pakistan's Bilateral Trade: A Gravity Model Approach". *The Romanian Economic Journal*, 48, p. 103-120. – URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.906.7050&rep=rep1&type=pdf>
7. Kurmanalieva, E. (2008). "Empirical analysis of Kyrgyz trade patterns". *Eurasian Journal of Business and Economics*, 1(1), p. 83-97.
8. Linnemann, H. (1967). "An Econometric Study of International Trade Flows". *The Economic Journal*, 77(306), p. 366-368.
9. Paas, T. (2000). "Gravity approach for modeling trade flows between Estonia and the main trading partners". *University of Tartu, Faculty of Economics and Business Administration Working Paper*, No. 4. Tiigi, Tartu: Tartu University Press. URL: <https://www.mtk.ut.ee/sites/default/files/mtk/toimetised/febawb4.pdf>
10. Pöyhönen, P. (1963). "A tentative model for the volume of trade between countries". *Weltwirtschaftliches Archiv*, 90, p. 93-100.
11. Allayarov, P., Mehmed, B., Arefin, S., Nurmatov, N. (2018). "The Factors Affecting Kyrgyzstan's Bilateral Trade: A Gravity-model Approach". *Journal of Asian Finance, Economics and Business*, Vol 5, No 4, p. 95-100.
12. Rahman, M.M. & Dutta, D. (2012). "The Gravity Model Analysis of Bangladesh's Trade: A Panel Data Approach". *Journal of Asia-Pacific Business*, 13(3), p. 263-286.
13. Sohn, C.-H. (2005). "Does the gravity model explain South Korea's trade flows?" *The Japanese Economic Review*, 56(4), p. 417-430.
14. Sohn, C.-H. (2001). "A Gravity Model Analysis of Korea's Trade Patterns and the Effects of a Regional Trading Arrangement". Korea Institute for International Economic Policy, *Working Paper Series*, Vol. 09.

15. Thai, T. Do. (2006). "A gravity model for trade between Vietnam and twenty-three European countries". URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:518029/FULLTEXT01.pdf>
16. Tinbergen, J. (1966). "Shaping the World Economy; Suggestions for an International Economic Policy". *The Economic Journal*, 76(301), p. 92-95.
17. National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic (2022). – URL: <http://stat.kg/en/>
18. Agency for Strategic planning and reforms of the Republic of Kazakhstan. Bureau of National statistics (2022). – URL: <https://stat.gov.kz/>
19. The State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics (2022). – URL: <https://stat.uz/en/>
20. International monetary fund DATA (IMF Data) (2022). – URL: <https://www.imf.org/en/Data>
21. World Bank. (2022). – URL: <https://data.worldbank.org/>
22. International Trade Centre. Trade statistics for international business development. – URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx>
23. Final report. (2016). "Study of Trade Finance Mechanisms for Export Transactions in Kyrgyzstan", UNDP.
24. World Bank Business Pulse Enterprise Survey in Kyrgyzstan, Uzbekistan and Tajikistan. – URL: <https://blogs.worldbank.org/ru/europeandcentralasia/taking-pulse-business-central-asia-following-russian-invasion-ukraine>
25. World Economic Outlook. IMF: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2022/April>
26. FRP "Damu": www.damu.kz;
27. National Bank of Kazakhstan: <https://www.nationalbank.kz/ru/>
28. Bulletin of the Central Bank of Uzbekistan: www.cbu.uz
29. OJSC "Guarantee Fund: <https://gf.kg/>
30. Bulletin of the National Bank of the Kyrgyz Republic: <https://www.nbkr.kg/index1.jsp?item=1372@lang=RUS>
31. Bulletin of the National Bank of Tajikistan: <https://nbt.tj/ru/>
32. World Bank (2019): <https://www.enterprisesurveys.org/>

УДК 330.354:336

**THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS
OF THE CATEGORY "GREEN FINANCE"**

Bektenova Damira, Doctor of Economic Sciences, Professor
ORCID 0009-0004-3198-4038 <bektenova49@mail.ru>

Kurmanbekova Meerim Obolbekovna, Candidate of Economic Sciences
<mmkurmanbekova@gmail.com>
Kyrgyz-Russian Slavic University

Abstract

The article summarizes the theoretical and methodological approaches to the definition of "green" finance and, on this basis, determines the structure of green finance. It is analyzed the methodological approaches of international organizations and scientists to the definition of the category of green finance, and on this basis, it is concluded that green finance should have the same characteristics of the category "finance", but with an environmental determinant. It is concluded that it is necessary to **develop the principles and architecture of the future financial system in the context of ensuring the sustainable development of the republic's economy.**

Keywords: sustainable development of the economy; green finance; green financing; ecology; green finance tools.

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КАТЕГОРИИ
«ЗЕЛЕННЫЕ ФИНАНСЫ»**

Бектенова Дамира Чотуевна, доктор экономических наук, профессор
ORCID: 0009-0004-3198-4038 <bektenova49@mail.ru>

Курманбекова Мээрим Оболбековна, кандидат экономических наук
<mmkurmanbekova@gmail.com>
Кыргызско-Российский Славянский университет

Аннотация

В статье обобщаются теоретико-методологические подходы к определению категории «зеленые финансы», и на этой основе устанавливается структура зеленого финансирования. Дан анализ методологических подходов международных организаций и ученых к определению категории «зеленые финансы», делается вывод о том, что «зеленые финансы» должны иметь характеристики, свойственные категории «финансы», но с экологической определяющей. Сделан вывод о необходимости разработки принципов и архитектуры будущей финансовой системы в контексте обеспечения устойчивого развития экономики республики.

Ключевые слова: устойчивое развитие экономики; зеленые финансы; зеленое финансирование; экология; инструменты зеленого финансирования.

КАТЕГОРИЯНЫН ТЕОРИЯЛЫК ЖАНА МЕТОДОЛОГИЯЛЫК НЕГИЗДЕРИ «ЖАШЫЛ ФИНАНС»

Бектенова Дамира Чотуевна, экономика илимдеринин доктору, профессор
ORCID 0009-0004-3198-4038 <bektenova49@mail.ru>

Курманбекова Мээрим Оболбековна, экономика илимдеринин кандидаты
<mmkurmanbekova@gmail.com>
Кыргыз-Орус Славян университети

Кыскача мүнөздөмө

Макалада «жашыл» каржы категориясынын теориялык жана методологиялык өзгөчөлүктөрүн изилдөөнүн негизинде, анын топтомунун түзүлүшү аныкталган. Эл аралык уюмдардын жана окумуштуулардын «жашыл каржы» категориясы боюнча жолдомолору талданган. Талдоонун негизинде «жашыл каржы» категориясы «финансы» категориясына тийиштүү мүнөздөмөлөр менен, бирок экологиялык өзгөчөлүгүн эске алуу аркылуу аныктамалары сунушталган. Изилдөөнүн жыйынтыгында келечекте каржы системасынын түзүлүшү республиканын экономикасынын туруктуу өсүшүнөн көз карандылыгы ачыкталган.

Негизги сөздөр: экономиканын туруктуу өсүшү; жашыл каржы; жашыл каржылоо; экология; жашыл каржылоонун аспаптары.

Введение

Интерес к проблеме устойчивого развития в условиях глобального изменения климата и ухудшения окружающей среды привел к формированию в научном сообществе новой парадигмы – «зеленая экономика» и «зеленые финансы». При многообразии подходов к этой проблематике представляется целесообразным выделить те, которые раскрывают аспекты взаимодействия экономического роста и окружающей среды. Следует признать, что достижение устойчивого экономического роста на «зеленой» основе, то есть без нанесения ущерба окружающей среде и истощения природных ресурсов, невозможно без формирования эффективной системы «зеленого финансирования». Не будет преувеличением, что именно финансовая система с ее специфическими инструментами способна реализовать переход от «коричневой» экономики к «зеленой». Однако в научной среде до сих пор идет дискуссия по поводу категории самих финансов, не говоря о категории «зеленых финансов». Высказывания ученых-экономистов и определения в деловом обороте относительно «зеленых финансов» носят фрагментарный характер, определяемый, с одной стороны, уровнем экономического развития и, как следствие, состоянием финансовой системы отдельных стран, с другой – субъективными воззрениями исследователей данного вопроса. Более того, в современной литературе на протяжении последних десятилетий в связи с переходом к рыночной экономике наблюдается зарубежный подход к определению категории финансов, имеющий преимущественно прикладное значение. Эта же тенденция сохраняется и в отношении категории «зеленых финансов» Поэтому практически в каждом из исследований проблемы «зеленых финансов» идет совмещение понятий «зеленые финансы» и «зеленое финансирование».

Исходя из этого целью статьи является изучение и анализ существующих взглядов на эту проблему и выработка теоретико-методологических основ категории «зеленые финансы», опираясь на характеристики сущности и особенностей финансовых отношений, присущих экономической категории финансов, независимо от того, на каком уровне и в какой сфере они осуществляются.

Предложенный теоретико-методологический подход к определению термина «зеленые финансы» отражает совокупность финансовых отношений, связанных с образованием и использованием фондов денежных средств в процессе распределения и перераспределения

стоимости созданного продукта и предназначенных для финансирования экологических программ и проектов.

В последнее десятилетие в мире широко обсуждается модель необходимости перехода к устойчивому развитию через «зеленую экономику». Увеличение населения земного шара и рост его потребностей сопровождаются истощением природного капитала. По оценкам ООН, это может привести к переформатированию мировой экономики с учетом влияния различных факторов, в том числе и негативных. Загрязнение окружающей среды, истощение природных ресурсов и эффекты изменения климата накладывают свои отпечатки на жизненный уровень населения и несут значительные финансовые затраты обществу. В результате антропогенного давления на мировую ресурсную систему, как отмечалось на саммите G20, «природный капитал сократился в 116 из 140 стран, в том числе произошло истощение природных ресурсов. Примерно четыре миллиона человек умирают каждый год преждевременно из-за воздействия загрязнения воздуха» (2016) [1]. Поэтому необходимо проведение исследований по взаимодействию факторов экономического роста и безопасности окружающей среды.

Исследуя факторы экономического роста, лауреат Нобелевской премии по экономике 2018 г. У. Нордхаус еще в 1970-е гг. признал, что на обеспечение непрерывного экономического развития непосредственное влияние оказывает состояние глобального климата и окружающей среды. В предложенной «интегрированной оценочной модели» он фактически объединил модели экономического роста и климатических изменений (Nordhaus, W. D., 1977) [2]. Суть модели У. Нордхауса заключается в том, что суммарный объем использования природных ресурсов соответствует определенному объему выброса парниковых газов, которые влияют на среднюю температуру воздуха. В свою очередь, температура воздуха определяет множитель, соответствующий экологическому ущербу. В результате суммарная производительность факторов производства падает из-за экологического ущерба, что в конечном счете ухудшает благосостояние населения, подавляет экономический рост и развитие человеческого капитала. Избежать эти последствия возможно лишь при обеспечении условий для устойчивого развития экономики и перехода на «зеленую экономику».

Следует признать, что достижение устойчивого экономического роста на «зеленой» основе, то есть без ущерба окружающей среде и истощения природных ресурсов, невозможно без формирования эффективной системы «зеленого финансирования». Не будет преувеличением, что именно финансовая система с ее специфическими инструментами способна реализовать переход от «коричневой» экономики к «зеленой».

Однако, если с вопросами совершенствования модели производства все предельно ясно, то относительно сущности и содержания финансовых отношений, а равно, и характеристики категории «зеленые финансы», столь однозначного вывода нет. Причин тому достаточно много. Назовем некоторые из них.

Во-первых, несмотря на столь длительное существование в экономической литературе категории «финансы», единого ее понимания до сих пор нет. Более того, в современной литературе на протяжении последних десятилетий в связи с переходом к рыночной экономике наблюдается зарубежный подход к определению категории финансов, имеющий преимущественно прикладное значение. Поэтому практически в каждом из исследований проблемы «зеленых финансов» идет совмещение понятий «зеленые финансы» и «зеленое финансирование».

Во-вторых, несмотря на достаточно продолжительное существование идей устойчивого развития (считается, что впервые данная проблема была обозначена в 1970-е гг.), глобальное распространение данные вопросы получили лишь в 2012 г. на одной из конференций ООН [17]. Следовательно, за такой короткий срок сформировать теоретическую основу новой экономической модели было практически невозможно.

Текущее же состояние науки о «зеленых финансах» носит преимущественно фрагментарный характер, определяемый, с одной стороны, уровнем экономического развития и, как следствие, состоянием финансовой системы отдельных стран, с другой – субъективными

воззрениями исследователей данного вопроса.

Несмотря на множество изданных работ, посвященных теме «зеленых финансов», исследователи так и не пришли к единому мнению по поводу того, что же понимать под этим термином, какие признаки характерны для него? Отражают ли они только направленность их использования на решение экологических проблем и управление ресурсами? Либо это категория, которая отражает денежные экономические отношения по поводу создания и использования фондов денежных средств на решение задач, связанных с мероприятиями по охране окружающей среды и обеспечению на этой основе экономического роста?

Прежде чем приступить к выявлению особенностей «зеленых финансов», проведем группировку и анализ терминологических определений, которые декларируются в программных документах международных организаций и работах отдельных авторов.

Определение понятия «зеленые финансы» в отечественном и зарубежном научном и деловом обороте

Автор (-ы), документа	Определение понятия
I. Деловой оборот	
1. Международный финансовый клуб развития	Зеленые финансы являются широким термином, который может относиться к финансовым вложениям в проекты устойчивого развития и инициативы, экологически чистую продукцию, а также политика, которая поощряет развитие более устойчивой экономики (2012) [3].
2. Рабочая группа по изучению процессов «зеленого финансирования» (G20 Green Finance Study Group)	Зеленое финансирование – особая разновидность финансовых отношений, при которых коммерческие организации участвуют в финансировании социально- и экологически значимых проектов и программ (2016) [4].
3. Экспертная комиссия Всемирного банка	Группа финансовых отношений, при которых частные и государственные компании инвестируют в проекты снижения влияния от своей экономической деятельности на общество и окружающую среду (климат) (2018) [5].
4. Программа ООН по окружающей среде (UNEP)	«Зеленые инвестиции» – финансовые продукты и сервисы, направленные на ресурсное обеспечение проектов и программ для решения актуальных социальных и экологических проблем (2015) [6].
5. Постановление Комиссии ЕС «О создании основ содействия устойчивым инвестициям и внесении изменений в законодательство»	«Зеленое финансирование» – разновидность финансирования проектов и программ, которая учитывает долгосрочные экологические и социальные эффекты для расширенного круга стейкхолдеров (2020) [7].
6. Экспертный совет по рынку долгосрочных инвестиций при Банке России	Вложения в экологически чистые и ресурсосберегающие технологии (2018) [8].
II. Научный оборот	
1. Л.П. Харченко	«Зеленое финансирование» – механизм усиления рыночного влияния бизнеса через вложение капитала в проекты, направленные на решение актуальных экологических проблем (2021) [9].

2. А.В. Долганов, Н.А. Долганов	«Зеленые инвестиции» – форма финансирования проектов и программ коммерческими организациями для получения новых конкурентных преимуществ [10].
3. О. В. Богачева и О. В. Смородинова	К «зеленым финансам» относят финансовые услуги, предоставляемые хозяйствующим субъектам для осуществления экономической деятельности по улучшению окружающей среды, смягчению последствий изменения глобального климата и более эффективному использованию ресурсов (2021) [11].
4. А. Колтон и др.	Продукты и процессы, направленные на экологизацию поведения бизнеса и поощрение корпоративной ответственности перед стейкхолдерами (2020) [12].
5. А. Буаллай	«Зеленые инвестиции» – группа инструментов для реализации проектов, соответствующих требованиям корпоративной и социальной ответственности, для решения острых экологических проблем (2020) [13].

Этот список определений можно бесконечно продолжать, однако это несколько не приблизит нас к пониманию содержания «зеленых финансов», пока не будут определены основные сущностные признаки определяющей их категории.

Несмотря на все многообразие формулировок, ни одно из приведенных выше определений не может рассматриваться в качестве универсального, потому что все они носят крайне ограниченный характер. Некоторые из подходов характеризуют не столько содержание категории, сколько ее предназначение.

Отсутствуют какие-либо особенные признаки и в определениях термина «зеленые финансы», представленных авторскими подходами. Единственным заметным отличием является лишь наличие некоторых уточнений, сформулированных отдельными авторами. Сами же трактовки термина очень схожи. В соответствии с ними «зеленые финансы» рассматриваются либо как элемент финансирования, представляющий собой разновидность финансовых вложений, или зеленые инвестиции, либо финансовые услуги, направленные на обеспечение устойчивого развития экономики с учетом экологических факторов (Buallay A., 2020) [13].

Более узкое определение «зеленых финансов» относится к экологически ориентированным финансовым продуктам или услугам, таким как кредиты, кредитные карты, страховки или «зеленые облигации». Другие термины, которые используются для описания «зеленого финансирования», включают в себя «экологически ответственные инвестиции» и «изменения инвестиционного климата» независимо от того, на каком уровне они осуществляются (Богачева О.В., 2017) [11].

Предложенный теоретико-методологический подход к определению термина «зеленые финансы» отражает совокупность финансовых продуктов и услуг (в виде инвестиций или кредитования), которые учитывают воздействие на окружающую среду и повышают экологическую устойчивость, обеспечивая при этом деятельность по снижению экологических и климатических рисков глобального экономического развития. Отмечается, что усиление «зеленого финансирования» может способствовать росту высокого потенциала «зеленых отраслей» промышленности, содействовать технологическим инновациям и создать возможности для бизнеса, для финансовой индустрии.

Таким образом, на основе проведенного анализа существующих взглядов на эту проблему (см. таблицу), можно сделать вывод о том, что «зеленые финансы» рассматриваются в трех основных аспектах:

- 1) совокупность различных способов финансирования технологических процессов и проектов в области экологизации хозяйственной деятельности;
- 2) совокупность финансовых институтов (банки, страховые компании и др.), занимающихся финансированием экологических программ и проектов;
- 3) финансовые продукты и услуги (кредиты, облигации и др.) с экологической составляющей.

Очевидно, что для определения особенностей финансов объяснения в широком смысле слова абсолютно недостаточно. Характеристика их сущности, как признают представители отечественного подхода (Бектенова Д.Ч. и др., 2018) [14], возможна лишь в процессе выявления тех общих свойств, которые раскрывают внутреннюю природу всех финансовых отношений, независимо от того, на каком уровне они осуществляются.

Основой, объединяющей всех участников финансовых отношений, выступает совокупность денежных экономических отношений, определяющих финансы в качестве экономической категории. Выполняя специфическое общественное назначение, при условии объективного отображения реально сложившихся в обществе производственных отношений, финансы могут быть охарактеризованы следующими признаками.

1) *Денежный характер финансовых отношений.* Все финансовые операции осуществляются в денежной форме, то есть обязательным условием существования финансов выступают деньги. Без денег не может быть и финансов, так как последние являются общественной формой существования первых.

2) *Распределительный и перераспределительный характер финансовых отношений.* Организация финансовых отношений в соответствии с особенностями воспроизводственного процесса основана на движении средств между их участниками, в рамках которого происходит распределение стоимости общественного продукта, в том числе по целевому назначению.

3) *Формирование фондов денежных средств целевого назначения как материальной основы финансовых отношений.* Участие финансов в распределительных и перераспределительных отношениях всегда сопровождается образованием и использованием фондов денежных средств, отличительной особенностью которых является целевое назначение. В соответствии с этим денежные средства не могут считаться частью фонда до тех пор, пока не будет определено их назначение. Важной чертой фондов денежных средств выступает также их высокая динамичность. Находясь в непрерывном движении, они все время расходуются и пополняются, тем самым обеспечивая выполнение присущих деньгам функций, хоть и в ограниченном выражении.

4) В зависимости от уровня в процесс формирования фондов денежных средств вовлекаются различные источники, включая средства от распределения произведенного в текущем периоде валового внутреннего продукта, часть национального богатства, поступления, полученные в результате перераспределения ресурсов от одного субъекта другому и т.д. В соответствии с этим можно выделить еще один важный признак финансов – осуществление любых финансовых отношений связано с *формированием денежных доходов и накоплений*, принимающих в результате форму финансовых ресурсов.

Опираясь на упомянутые выше четыре отличительных признака, дадим определение финансов, «согласно которому они отражают экономические денежные отношения по поводу формирования и использования фондов денежных средств целевого назначения в процессе распределения и перераспределения стоимости валового внутреннего продукта и части национального дохода» (Бектенова Д.Ч. и др., 2018) [14].

Что касается зеленых финансов, то на наш взгляд, эта формулировка наиболее точно отражает эти денежные отношения, но с учетом экологической составляющей. Не вызывает сомнений, что при столь обширном терминологическом разнообразии выработка дефиниции «зеленые финансы» позволила бы существенным образом повлиять на ход дальнейшего развития данного научного направления, включая определения основных признаков категории, характеристики ее функций, описание цели и задач, инструментов.

Терминологическое смешение понятий «зеленые финансы» и «зеленое финансирование», которое имеет место в деловом обороте и в высказываниях отдельных ученых, является, на наш взгляд, неправомерным, поскольку термин «финансирование» означает обеспечение финансовыми ресурсами затрат на развитие предприятий и т. д., и более всего отражает процесс (действие), а не отношения по поводу формирования и использования фондов денежных средств целевого назначения (2004, с. 1010) [15].

«Зеленые финансы» являются тем звеном, которое позволяет реально осуществить переход к «зеленой экономике». Все «зеленые проекты» требуют серьезного финансирования, в то время как в большинстве случаев «зеленые бизнес-модели и проекты» являются высокочрезвычайными и высокорисковыми. Соответственно, традиционные методы финансирования могут оказаться коммерчески невыгодными для

финансовых институтов.

Есть варианты выхода на венчурных инвесторов – это государственно-частное партнерство, но ему необходимо доказать коммерческую эффективность в среднесрочной перспективе (в отличие от банков, где необходима краткосрочная эффективность). Длинные деньги в нашей республике можно получить только от государства или при поддержке государственных гарантий.

Вопрос перехода к «зеленой экономике» и «зеленым финансам» поднят в Кыргызской Республике сравнительно недавно. На государственном уровне приняты «Программа развития «зеленой экономики» в Кыргызской Республике на 2019-2023 годы», Закон «Об энергосбережении», Закон «Об энергетической эффективности зданий», Закон «О возобновляемых источниках энергии», Концепция зеленой экономики в Кыргызской Республике "Кыргызстан – страна «зеленой экономики»". На эти мероприятия, как свидетельствуют данные Национального комитета государственной статистики КР, в 2021 г. из государственного бюджета направлено всего 689 млн. сом., что составляет 0,42% от общих расходов, или 0,095% от уровня ВВП (Бектенова Д.Ч. и др., 2022) [16], что явно недостаточно.

Как показывает международный опыт, для успешного развития «зеленой экономики» и связанного с этим сектора «зеленого финансирования» на уровне государства должны быть разработаны документы стратегического уровня, определяющие стратегические цели в целом и по отдельным направлениям. Также должны быть определены пути достижения этих целей, включая выработку политики государства по различным составляющим, которые вносят наибольший вклад в достижение стратегических целей. Должно быть обеспечено выполнение разработанных планов и мероприятий, в том числе налажена система мониторинга и обратной связи. Если допустить, что такие документы сформированы в целом по экологическому направлению, то в отношении связанного с этим направления «зеленых финансов» такой стратегии пока не существует. Вместе с тем, как было отмечено выше, от успешного построения рынков «зеленых» и «устойчивых» финансов зависит исполнение экологических проектов, что невозможно без привлечения частного финансирования и государственного субсидирования.

Способы регулирования и стимулирования рынка инструментов «зеленых финансов», включая «зеленые облигации», апробированные в ведущих странах, нацелены как на эмитентов и инвесторов (включая финансовые институты), так и на рынок в целом. Анализ этих мер говорит о том, что наиболее общепринятыми и действенными являются:

- субсидирование «зеленых проектов» (например, альтернативной энергетики);
- налоговые меры: углеродный налог; послабления и льготы (показали свою высокую эффективность в США, Китае, Японии, ЕС, Бразилии);
- поддержка проектов институтами развития (например, финансирование по льготной ставке, капитальные гранты, создание информационной и финансовой инфраструктуры);
- предоставление государственных гарантий;
- пруденциальное регулирование (включая дифференциацию норм резервирования с учетом анализа ESG рисков);
- введение таксономии проектов устойчивого развития «зеленых проектов».

Использованные источники

1. G20 Green Finance Synthesis Report (5 September 2016). – Режим доступа: http://unepinquiry.org/wp-content/uploads/2016/09/Synthesis_Report_Full_EN.pdf
2. Nordhaus, W. D. (1977). «Economic growth and climate: The case of carbon dioxide». *The American Economic Review*. No 67(1), p. 341-346.
3. https://www.idfc.org/Downloads/Publications/01_green_finance_mappings/IDFC_Green_Finance_Mapping_Report_for_2013_12-09-14.pdf Höhne / Khosla / Fekete / Gilbert (2012) список
4. G20 Green Finance Synthesis Report. G20 Green Finance Study Group (15.07.2016). – URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2016/green-finance-synthesis.pdf>
5. «Зеленое финансирование» в России: создание возможностей для «зеленых инвестиций» (2018). – URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/699051540925687477/pdf/131516-RUSSIAN-PN-P168296-P164837-PUBLIC-Green-finance-Note.pdf>
6. Green financing: UN Environment Program (2015). – URL: <https://www.unep.org/regions/asia-and-pacific/regional-initiatives/supporting-resource-efficiency/green-financing> (дата обращения: 05.01.2022).

7. Regulation (EU) of the European Parliament and of the Council of 18 June 2020 on the establishment of a framework to facilitate sustainable investment, and amending Regulation. (2020). *Official Journal of the European Union*. 22 June.
8. Диагностическая записка «Зеленые финансы: повестка дня для России». (2018). – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/51270/diagnostic_note.pdf
9. Харченко, Л.П. (2021). «Потенциал индустрии коллективных инвестиций в финансировании устойчивого развития». *Вестник Академии знаний*. № 45 (4), с. 417-423.
10. Долганов, А.В., Долганова, Н.А. (2021). «О развитии системы зеленого финансирования в Российской Федерации». *Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник: материалы XX Национальной научной конференции с международным участием*, с. 315-318.
11. Богачева, О.В., Смородинов, О.В. (2017). «Проблемы «зеленого финансирования» в странах G20». *Мировая экономика и международные отношения*, №10 (61), с. 16-24.
12. Coleton, A., Font Brucar, M., Gutierrez, P., Le Tennier, F., Moor, C. (2020). «Sustainable Finance: Market Practices». *SSRN Electronic Journal*.
13. Buallay, A. (2020). «Sustainability reporting and firm's performance: Comparative study between manufacturing and banking sectors». *International Journal of Productivity and Performance Management*. № 69(3), p. 431-445.
14. Бектенова, Д.Ч., Курманбекова, М.О. (2018). «Финансы». *Учебник. КРСУ*, Бишкек, 478 с. – Режим доступа: <https://a.eguditor.one/file/3083257/>
15. Финансово-кредитный энциклопедический словарь. (2004). Под ред. Грязновой А.Г. Москва, Финансы и статистика, с. 1010.
16. Бектенова, Д.Ч., Джумакова, А.А. (2022). «Финансовые стимулы развития «зеленой экономики» в Кыргызской Республике». *Сборник трудов международной научно-практической конференции «Устойчивое развитие республики Казахстан в условиях перехода к «зеленой экономике»: применение опыта стран Европейского союза*, Астана, 2022, «Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева», с. 165-173.
17. «Рио+20». (2012). *Конференция ООН по устойчивому развитию*, 20-22 июня 2012 года, Рио-де-Жанейро.

УДК 338.48

TOURISM IN KYRGYZSTAN: PANDEMIC AND ITS CONSEQUENCES

Kamalova Anara, Candidate of Economic Sciences, Professor,
Dean of the Kyrgyz-European Faculty of the Kyrgyz National University
named after Zh. Balasagyn, ORCID: 0000-0002-5483-8488 <anara.kamalova.rabota@gmail.com>

Abstract

The Kyrgyz Republic, like other countries, faced Covid-19 in 2020, which affected the development of the economy, the tourism industry in particular. Notably external tourism was highly affected. According to the statistical committee of the republic, the influx of tourists into the country decreased by 74% in 2020 compared to 2019, and the share of the tourism industry in GDP drastically decreased. The consequences of the pandemic persist to this day. This article will try to analyze the current state of the industry development, evaluate the results of marketing researches, and give some suggestions for further stabilization of the situation in the tourism industry in Kyrgyzstan.

Keywords: external tourism; internal tourism; pandemic; poverty; inflation; GDP; crisis; tourism business.

ТУРИЗМ В КЫРГЫЗСТАНЕ: ПАНДЕМИЯ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Камалова Анара, кандидат экономических наук, профессор,
декан Кыргызско-Европейского факультета Кыргызского национального университета имени
Ж.Баласагына, ORCID: 0000-0002-5483-8488 <anara.kamalova.rabota@gmail.com>

Аннотация

Кыргызская Республика, как и другие страны мира, в 2020 г. столкнулась с пандемией Covid-19, которая повлияла на развитие экономики в целом и туристической отрасли, в частности. Особенно пострадал внешний туризм. По данным Национального статистического комитета республики в 2020 г. приток туристов в страну сократился на 74% по сравнению с 2019 г., доля туристической отрасли в ВВП сократилась в несколько раз. В таких условиях до сегодняшнего дня сохраняются последствия пандемии. В статье представлен анализ современного состояния этой отрасли, дана оценка полученных результатов маркетинговых исследований и рекомендованы некоторые предложения по дальнейшей стабилизации ситуации на рынке туристических услуг Кыргызстана.

Ключевые слова: внешний туризм; внутренний туризм; пандемия; бедность; инфляция; ВВП; кризис; туристический бизнес.

КЫРГЫЗСТАНДАГЫ ТУРИЗМ: ПАНДЕМИЯ ЖАНА АНЫН КЫЙЫНТЫКТАРЫ

Камалова Анара, экономика илимдеринин кандидаты, профессор,
Ж.Баласагын атындагы Кыргыз улуттук университетинин Кыргыз-Европа факультетинин
деканы, ORCID: 0000-0002-5483-8488 <anara.kamalova.rabota@gmail.com>

Кыргызча мүнөздөмө

Кыргыз Республикасы, дүйнөнүн башка мамлекеттериндей эле 2020-жылы бүтүндөй өлкөнүн экономикасына, анын ичинен туризм тармагына өзүнүн таасирин тийгизген Covid-2019, азыркы замандын чумасын, башынан өткөздү. Айрыкча тышкы туризмге абдан чоң таасир тийгизгендиктен, республиканын статистикалык маалыматтыраны йлайык туристтердин Кыргызстанга келген агымы 2020-жылы 2019-жылгв карганда 74% төмөндөгөн, ал эми туризмдин ИДП үлүшү бир нече эсеге кыскартылган. Ошондуктан бул макалада туризм тармагынын заманбап өнүгүшүн талдап, өткөзүлгөн маркетингтик изилдөөлөрүнүн

жыйынтыктарына берүүгө аракет кылабыз. Жана ошондой эле Кыргызстандагы туристик кызмат көрсөтүү рыногундагы кырдаалды мындан ары стабилдештирүүнүн жолдорун сунуштайбыз.

Негизги сөздөр: тышкы туризм; ички туризм; пандения; жакырчылык; инфляция; ИДП; кризис; туристик бизнес.

Пандемия коронавируса Covid-19 нанесла значительный удар экономике всех стран мира. В 2020 г. были закрыты границы, ограничены посещения туристов во многие страны, объявлены комендантские часы и другие запреты в связи с всеобщим распространением опасного вируса. Это в свою очередь повлияло на развитие туристической отрасли в мировой экономике. По оценкам МОТ, пандемия привела к потере 305 млн. рабочих мест, многие из которых приходится на сектор туризма. Восстановление международного туризма было медленным, только 115 стран (около 53% от общего числа по всему миру) сняли ограничения на поездки по состоянию на 1 сентября 2020 г. По данным Всемирной туристской организации (ЮНВТО) в 2020 г. количество международных туристических поездок сократилось на 60-80%.

Кыргызская Республика, как и другие страны мира, также столкнулась с кризисной ситуацией в туристической отрасли. Даже пляжи Иссык-Куля, которые любят туристы, были преимущественно пустыми. Основными причинами кризисной ситуации явились в первую очередь распространение коронавируса по всей территории республики и закрытие большинства предприятий, которые привели к финансовым трудностям у населения. Валовая добавленная стоимость в сфере туристической отрасли в процентах к ВВП в 2020 г. составила лишь 2,9%, тогда как в 2019 г. – 5,2%.

В табл. 1 приведены экономические данные влияния пандемии на основные экономические показатели развития республики.

Таблица 1. Экономические последствия пандемии Covid-19 в 2020 г. в Кыргызской Республике

	Процент
Потеря рабочих мест: 40 тыс. чел.	
Снижение реального ВВП	8,6
Инфляция	9,7
Снижение курса валюты (KGS к USD)	19,0
Дефицит гос. бюджета (в % от ВВП)	4,2
Рост гос. долга (в % от ВВП)	68,2

Источник: Кыргызская Республика и Covid-19: Год спустя.

Как видим, кризис Covid-19 отрицательно повлиял на трудовые доходы населения и привел к повышению уровня бедности в Кыргызской Республике. По оценкам международных наблюдателей уровень бедности в республике в 2020 г. вырос на 11,0% с 20,1% в 2019 г. и составил 31,0% из-за снижения доходов и роста безработицы (Новости Кыргызстана, 5 ноября 2021 г.) [5]. В результате за чертой бедности оказались примерно 700,0 тыс. человек. Показатели развития туризма снизились почти на 80%. Инфляция выросла с 3% в 2019 г. до 10% в 2020 г. Из-за сокращения производства, увеличения бюджетного дефицита и обесценивания национальной валюты государственный долг поднялся на 16% к ВВП и составил 68% ВВП в 2020 г. (Новости Кыргызстана, 5 ноября 2021 г.) [5].

Представители бизнес-ассоциации JIA, проводя маркетинговые исследования методом опроса населения, дали оценку влияния пандемии Covid-19 на производственные показатели основных предприятий Кыргызстана, в том числе и туристических фирм (Всемирный банк, 2021) [4]. По данным этого исследования многие респонденты (почти 50%) ответили, что

надеются на улучшение экономического положения. На вопрос: «Каким было влияние пандемии Covid-19 на ваше предприятие?», ответили следующим образом:

Таблица 2. Результаты опроса «Каким было влияние пандемии Covid-19 на ваше предприятие?»

Ответ	Процент
Влияние на доходы отсутствует	14,29
Сокращение от 0-25%	23,11
Сокращение от 25-50%	21,51
Сокращение от 50-100%	12,68
Затрудняюсь ответить	20,10

Источник: (Всемирный банк, 2021) [4].

Как показывают результаты исследования (табл. 2), отсутствие влияния на доходы отметили только 14,2% респондентов. Свыше половины участников опроса указали на определенное сокращение доходов, тогда как наиболее серьезное сокращение (от 50 до 100) констатировали 13,0% респондентов.

Начиная с 2021 г., в связи с улучшением эпидемиологической ситуации в стране, туризм начал постепенно приходить в себя. Этот процесс стабилизировался после вакцинации от Covid-19. В этом же году была создана платформа «Путешествую без Covid-19». Эта платформа направлена на оказание содействия восстановлению экономической активности в странах ЕАЭС. Она дает возможность пользователю доступно и оперативно получать результаты тестов через мобильный телефон от доверенных лабораторий.

На вопрос анкеты о том, как долго будет возможным содержать бизнес в условиях кризисной ситуации, получили следующие ответы (см. рисунок).

Результаты ответов на вопрос: «Как долго будет возможность содержать бизнес в условиях пандемии?»

Источник: (Всемирный банк, 2021) [4].

Как видим (см. рисунок), 45% респондентов ответили, что смогут содержать свой туристический бизнес менее 6 месяцев и только 5% продлили этот срок до более года.

На вопрос о влиянии Covid-19 на клиентскую базу 81% респондентов отметили, что клиентская база сократилась в 2020 г. на 70% по сравнению с 2019 г.

Однако по результатам онлайн-опроса туристических фирм Кыргызской Республики, проведенного на платформе Unipark и разработанного университетом Люцерн (HSLU), получены следующие результаты (табл. 3).

Таблица 3. Влияние пандемии на организации туристического бизнеса Кыргызской Республики

Вопрос	Процент
Закрыты турфирмы	78
Отправили работников в онлайн-режим	44
Снижение эффективности работы компании	78

Источник: (Всемирный банк, 2021) [4].

Были получены также ответы на вопросы о проблемах, с которыми сталкиваются предприниматели в сфере туризма. В основном это финансовые проблемы, связанные с приобретением оборудования, повышением квалификации кадров, государственной бюрократией, слабым управлением, отсутствием времени на обучение, неорганизованной формой туристического продукта, отсутствием доступности кредитов и т.д.

Оценивая результаты проводимых исследований бизнес-ассоциации ИА, мы пришли к выводу, что пандемия коронавируса Covid-19 оказала существенное влияние на туристическую отрасль республики.

Для того чтобы решить проблемы, сдерживающие развитие туризма в республике, рекомендуется предпринять следующие шаги:

- развивать внутренний туризм не только в Иссык-Кульской области, но и в других регионах страны, то есть повсеместно;
- восстановить доверие туристов к эпидемиологической ситуации в стране;
- обратить внимание на развитие медицинского туризма для восстановления здоровья населения после ковидного периода;
- привлечь реальных инвесторов для развития повсеместного туристического отдыха;
- создать государственно-частные предприятия по развитию объектов туризма, находящихся в подчинении профсоюза;

Принимая во внимание данные об увеличении туристических потоков в республику уже в 2022 г., можно говорить о хороших перспективах продвижения туристического бизнеса в Кыргызстане.

Использованные источники

1. Камалова, А.К. (2008). «Маркетинг». Бишкек.
2. Камалова, А.К., Максудунов, А. (2016). «Маркетинг услуг». Бишкек.
3. Низамиев, А. Г., Артыкбаева, С. Ж., Култаева, А. К. (1980). «Развитие и размещение туризма в Кыргызстане: Эколого-экономическое обоснование». *Молодой ученый*. № 88, с. 360-364.
4. Всемирный банк, 2021. Кыргызская Республика и Covid-19: Год спустя. – Режим доступа: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/feature/2021/03/17/one-year-later-in-the-kyrgyz-republic-s-battle-against-covid-19>
5. Из-за пандемии туризм в Кыргызстане упал почти на 80%, а уровень бедности вырос до 31%. *Новости Кыргызстана*. 5 ноября 2021 г. – Режим доступа: <https://vesti.kg/zxc/item/92742>

WOMEN IN THE ECONOMIC CONTEXT OF CENTRAL ASIA: A BIBLIOGRAPHIC REVIEW OF WEB OF SCIENCE DATABASES

Nurzhan Shabieva, PhD., Lecturer at the Batken State University, Batken, Kyrgyzstan <nurra89@mail.ru> ORCID: 0000-0003-4723-7294

Burulcha Sulaimanova, PhD., Postdoctoral Research Fellow OSCE Academy in Bishkek, Kyrgyzstan <sulaymanova@gmail.com>, <b.sulaimanova@osce-academy.net> ORCID: 0000-0002-1209-4791

Abstract

The objective of this research is to investigate bibliographic databases that represent the theme of women in the economic context of the Central Asian region. This will be done by analyzing data visualizations derived from journal articles. A total of 500 scholarly articles obtained from the Web of Science database from 1991-2022 were examined. The results of this study reveal the current research trends and topics pertaining to the subject of women in the economic sphere.

Keywords: women; Central Asia; bibliographic review; Web of Science; VOSviewer; economics.

ЖЕНЩИНЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР БАЗ ДАННЫХ WEB OF SCIENCE

Нуржан Шабиева, PhD., преподаватель Баткенского государственного университета, Баткен, Кыргызстан <nurra89@mail.ru> ORCID: 0000-0003-4723-7294

Бурульча Сулайманова, PhD., постдокторский научный сотрудник, Академия ОБСЕ в Бишкеке, Кыргызстан ORCID: 0000-0002-1209-4791 <sulaymanova@gmail.com>, <b.sulaimanova@osce-academy.netl>

Аннотация

Целью данного исследования является изучение библиографических баз данных, представляющих тему женщин в экономическом контексте Центрально-Азиатского региона, путем анализа визуализаций данных, полученных из научных статей. Всего было изучено 500 научных статей, полученных из базы данных Web of Science за 1991-2022 гг. Результаты этого исследования раскрывают современные направления исследований и темы, касающиеся темы женщин в экономической сфере.

Ключевые слова: женщины, Центральная Азия, библиографический обзор, Web of Science, VOSviewer, экономика.

БОРБОРДУК АЗИЯДАГЫ АЯЛДАРДЫН ЭКОНОМИКАЛЫК ИЛИМДЕ МААНИСИ: WEB OF SCIENCE БАЗАСЫНЫН НЕГИЗИНДЕ БИБЛИОГРАФИЯЛЫК АНАЛИЗ

Кыскача мүнөздөмө

Бул изилдөөнүн максаты илимий макалалардан алынган маалыматтардын визуализациясын талдоо аркылуу Борбордук Азия чөлкөмүнүн экономикалык контекстинде аялдар темасын чагылдырган библиографиялык маалымат базаларын изилдөө болуп саналат. 1991-2022-жылдары Web of Science маалымат базасынан алынган жалпы 500 илимий макала изилденген. Бул изилдөөнүн натыйжалары экономикалык чөйрөдө аялдардын темасына тиешелүү учурдагы изилдөө тенденцияларын жана темаларын чагылдырат.

Негизги сөздөр: аялдар; Борбордук Азия; библиография; Web of Science; VOSviewer; цитата; экономика.

Введение

Проблема женщин в Центральной Азии является актуальной, вызывающей интерес, проявляющийся в виде обширных публикуемых исследований по теме гендера преимущественно в западных странах. Количество публикаций на эту тему авторов Центрально-Азиатского региона крайне ограничено. В то время как Кыргызстан, например, имеет самый низкий рейтинг в Индексе мира и безопасности (WPS Index), где страна занимала 97-е место из 170 в 2021 году, и это самый низкий показатель среди стран Центральной Азии [25].

Публикации, представляющие исследования темы гендера в области экономических наук, составляют лишь 10% от общего объема опубликованных научных исследований в базе Web of Science. В этом контексте невозможно переоценить важность проведения библиометрического анализа для определения масштабов исследований в этой области. Используя программу VOSviewer, можно выявить важные направления исследований, в том числе появление новых тем, наиболее цитируемых авторов, ведущих стран в этой области, данные анализа цитирования и кластеризации вопроса (Soosaraei M., 2018; Zyoud S. H., 2018; Bornmann L. и др., 2018; Waltman L. и др., 2010). Применение такого библиометрического анализа к изучению темы женщин в Центральной Азии позволит получить важную информацию, которая может стать основой для будущих исследований и разработки политики в регионе.

Методология

В данной статье использованы публикации, освещающие экономический аспект темы женщин Центральной Азии, опубликованные в период с 1991 по 2022 год, в базе данных Web of Science. Поиск осуществлялся по ключевым словам: женщины, Центральная Азия, наименования стран Центральной Азии. Использовался следующий алгоритм построения поиска:

TS=(women)) AND TS= ("Central Asia" OR "Kazakh*" OR "Kyrgyz*" OR "Tajik*" OR "Turkmen*" OR "Uzbek*") AND PY= (1991-2022) AND LA=(English).

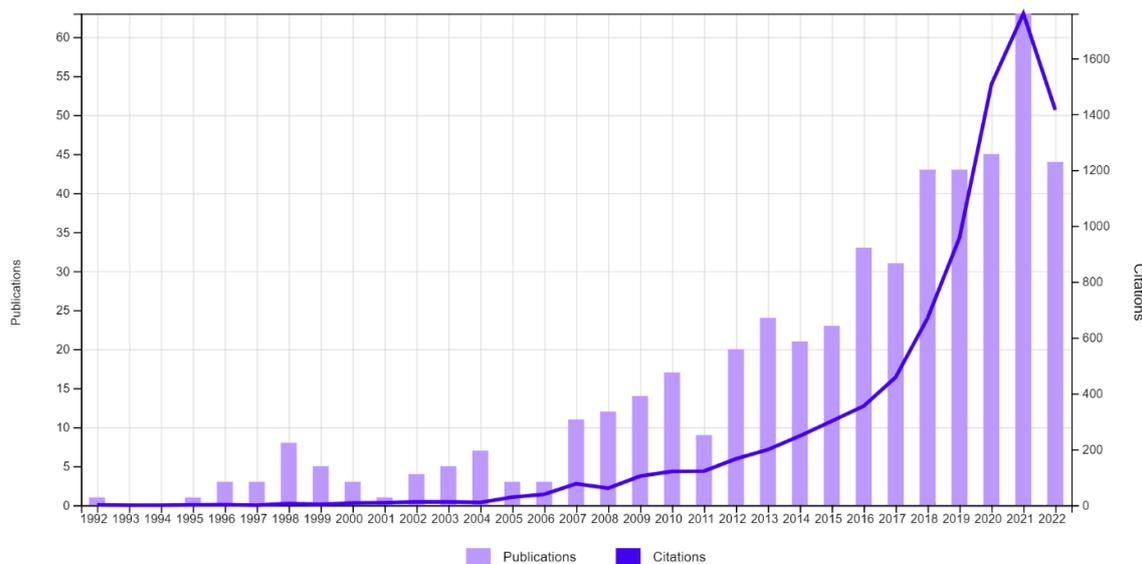
Рассматривались научные работы, опубликованные на английском языке за период 1991-2022 гг., зарегистрированные в базе данных Web of Science с индексами цитирования социальных наук (SSCI), материалов конференций (CPCI-SSH), а также книг (BKCI-SSH). Извлеченные записи были проанализированы по библиометрическим характеристикам, таким как рост количества публикаций за период, анализ цитирования, страна происхождения авторов, новые темы и частые термины в публикациях в области экономических наук, относящихся к проблеме женщин Центральной Азии.

Для визуализации библиографии была использована программа VOSviewer, являющаяся инструментом для построения и визуализации библиометрических сетей. Эти сети могут, например, включать наименование журналов, исследователей или отдельные публикации и могут быть построены на основе цитирования, библиографической связи, совместного цитирования или отношений соавторства. VOSviewer также предлагает функциональные возможности анализа текста, которые можно использовать для создания и визуализации сетей совпадения важных терминов, извлеченных из массива научной литературы (Van Eck & Waltman, 2022).

Результаты анализа

Рис. 1 представляет график, на котором показаны 500 научных публикаций по теме женщин и гендера в Центральной Азии с разбивкой по годам. Как видно, тема женщин и гендерные вопросы в Центральной Азии становятся актуальными за последние годы, и их значимость только возрастает с течением времени, на что указывает количество цитирований подобных исследований.

Рис.1. Количество статей и цитирований за период 1992-2022 гг.

Источник: Создано авторами с помощью программы VOSviewer, база данных Web of Science.

Если рассмотреть научные направления, то большая часть публикаций связана с социальными науками, демографией, политикой и экологией. Тем не менее экономические науки также представлены значительным количеством статей (46), что составляет около 10% всех исследований в библиометрическом анализе. Для дальнейшего анализа мы изучили 46 статей в области экономики.

Распределение стран происхождения авторов экономических публикаций показывает, что наибольшее количество статей было опубликовано авторами из США (22), затем следуют Англия и Казахстан (по семь статей в каждой), на третьем месте расположились Канада, Германия и Узбекистан (по четыре статьи). Кыргызстан и Чехия представлены двумя статьями каждая, а Австралия и Бельгия – одной статьей. Среди стран Центральной Азии Казахстан занимает лидирующую позицию в изучении темы женщин в экономическом аспекте.

Самые цитируемые статьи

№ п.п.	Название статьи	Авторы	Среднее число цитирований в год	Всего цитирований
1.	Как работают женщины-предприниматели? Данные из трех развивающихся регионов	Bardasi, и др. (2011)	12,25	147
2.	Изучение гендерного неравенства в показателях прав на землю в Азии	Kieran, и др. (2009)	5,38	43
3.	Развитие, модернизация и деторождение: роль семейного полового состава	Filmer, и др. (2009)	2,29	32
4.	Детерминанты финансовой деятельности микрофинансовых организаций в Центральной Азии	Janda, и др. (2009)	1,70	17
5.	Гендерные разрывы в землевладении между домохозяйствами и внутри них в четырех азиатских странах	Kieran, и др. (2009)	2,50	15
6.	Политика и экономика «ретрадиционализации» в Кыргызстане и Таджикистане	Commercio, и др. (2009)	1,63	13

7.	Похвастаться перед новыми соседями? Доходы, социально-экономический статус и модели потребления внутренних мигрантов	Danzer, и др. (2009)	1,33	12
8.	Трансжиры в продуктах питания в Иране, Юго-Восточной Европе, на Кавказе и Центральной Азии: исследование потребительской корзины	Stender, и др. (2009)	3,33	10
9.	Материнская забота против экономического благосостояния и здоровья новорожденных: Бишкек, Кыргызская Республика и Канзас-Сити, США	Becker, и др. (2009)	0,36	9
10.	Трудовая этика в бывшей социалистической экономике	Linz, и др. (2009)	0,80	8

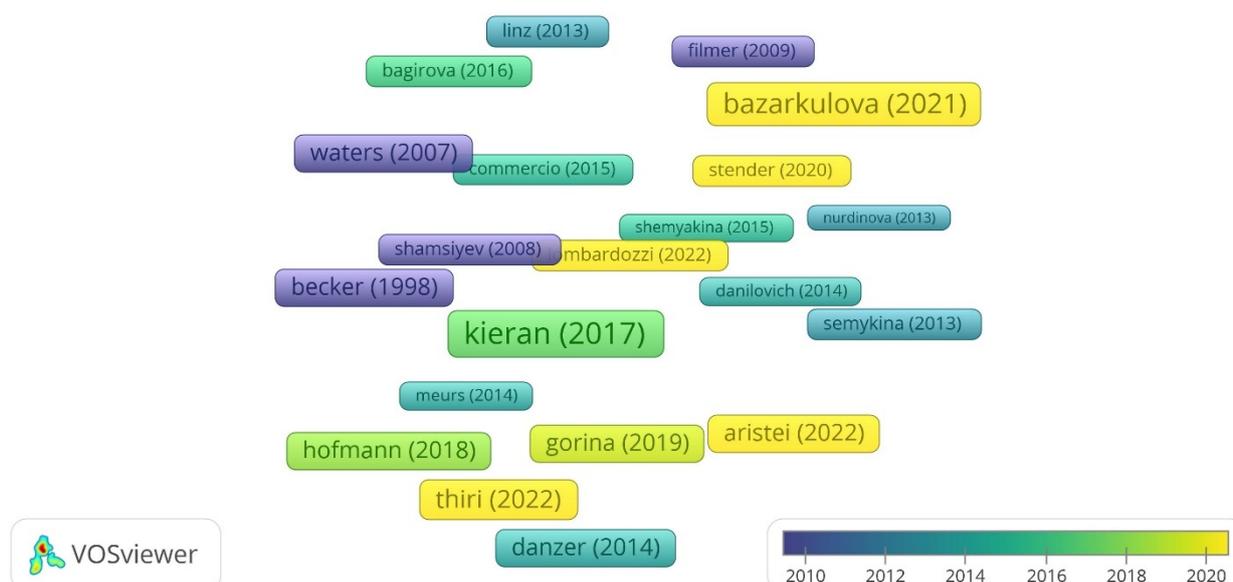
Источник: данные VOSviewer, 2022 г. [27].

В таблице представлены наиболее цитируемые экономические статьи, в которых дан анализ различных аспектов гендерного неравенства и социально-экономического положения женщин в исследованиях по Центральной Азии. Среди основных тем исследований, представленных в статьях, можно выделить: гендерный разрыв в предпринимательстве, анализ владельцев земельных участков и недвижимости по гендерному признаку, уровень рождаемости в зависимости от наличия или отсутствия сыновей в семье, ориентация на женщин-заемщиков микрофинансовых организаций, отношение женщин к семейной жизни, социально-экономический статус внутренних мигрантов по гендерному признаку, количество трансжиров в продуктах и их вред для женского организма, возможности материнского поведения в компенсации бедности и плохого здоровья, различия в соблюдении трудовой этики между мужчинами и женщинами, а также связь между трудовой этикой и заработком.

Если в таблице дан обзор авторов статей, цитируемых на протяжении неограниченного периода времени, то на рис. 2 представлены статьи, цитирование которых нормализовано с учетом времени. Данный рисунок показывает самые цитируемые статьи в последние годы, что свидетельствует об актуальности темы на данный момент.

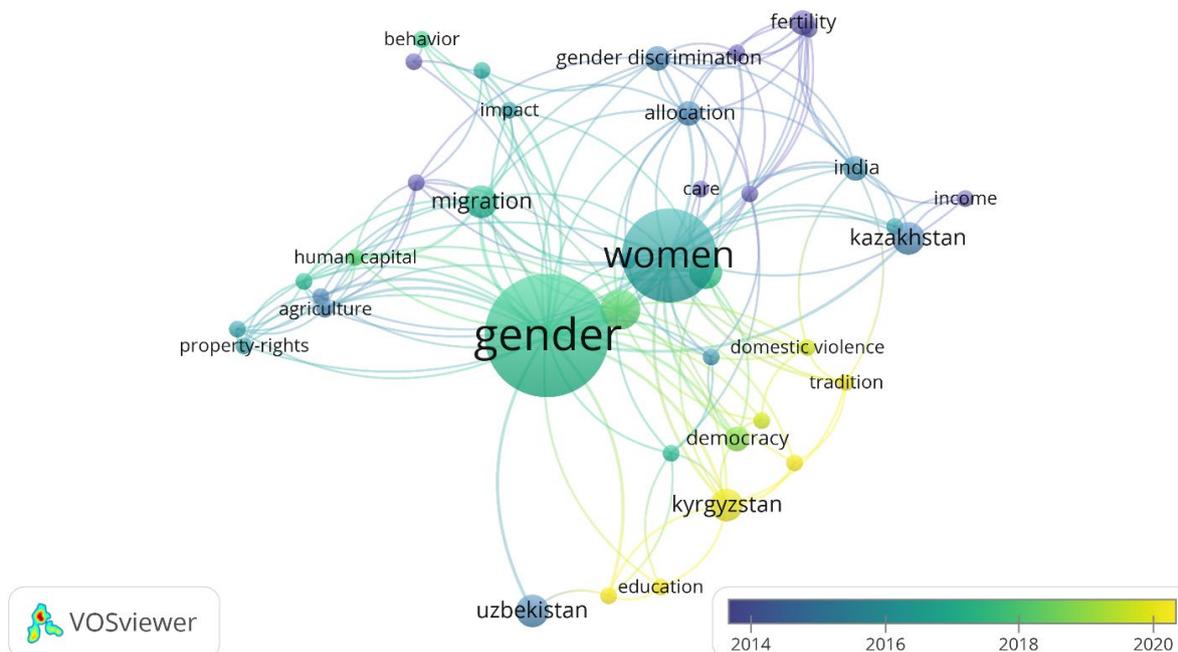
Таким образом, в нынешнее время актуальными можно назвать следующие темы исследований: гендерные различия в самооценке стресса и поведения врачей в отношении здоровья во время Covid-19 (Bazarkulova D., 2021), роль женщин в сохранении экологии (Thiri, M.A., 2022), переплетение теории социального воспроизводства и темы женского труда в постсоветском Узбекистане (Lombardozzi L., 2022).

Рис. 2. Самые цитируемые статьи (количество цитирований с учетом времени)

Источник: Создано авторами с помощью программы VOSviewer.

Рис. 3. Ключевые слова в исследованиях

Источник: Создано авторами с помощью программы VOSviewer.

Данные библиометрического анализа по ключевым словам научных публикаций представлены на рис. 3. Согласно этим результатам в период с 2014 по 2016 г. наибольшее внимание ученых привлекали темы гендера, связанные с миграцией, сельским хозяйством, дискриминацией по полу, уходом, фертильностью, правами собственности и предпринимательства. В то время как в последние годы мы наблюдаем сдвиг в интересах исследователей к таким темам, как домашнее насилие, похищение невесты, традиции, образование, трудоустройство женщин и политика.

Эти изменения могут быть связаны с рядом факторов. Например, ростом интереса к социальным проблемам и увеличением осведомленности общественности о таких проблемах, как насилие в семье, сексизм и дискриминация (Котлова и др. 2001; Здравомыслова и др., 1999; Dehdarirad и др. 2015; Tsay, M. Y. и др. 2017; Вебстер, 2001).

Тем не менее это не означает, что более ранние темы стали менее важными или потеряли свою актуальность. Возможно, они все еще вызывают интерес ученых, но на текущий момент в научных исследованиях больше акцентируется внимание на других проблемах.

Заключение

В последние годы происходит заметный рост интереса к изучению проблем женщин и гендерных вопросов в Центральной Азии, что находит отражение в средствах массовой информации. В данной статье был проведен библиографический анализ статей базы данных Web of Science по гендерным вопросам, с применением метода VOSviewer для определения релевантности гендерного анализа в экономическом контексте. Результаты анализа показали, что из 500 статей, связанных с гендерными вопросами, лишь 46 статей касаются темы женщин в экономике, что свидетельствует об отсутствии достаточного количества исследований данной темы в рассматриваемой базе данных. Кроме того, авторы этих статей в основном представляют США и Европу, притом, что количество авторов из Центральной Азии оказалось крайне незначительным, что подчеркивает необходимость проведения дополнительных исследований в области гендерного анализа экономических вопросов в этом регионе.

Библиометрический анализ также показал сдвиг в интересах исследователей в сторону таких тем, как домашнее насилие, похищение невесты, традиции, образование, трудоустройство женщин и политика, что указывает на увеличение общественной осведомленности

относительно социальных проблем женщин. Библиометрический анализ научных статей показывает, что изучение гендерных вопросов в Центральной Азии в экономическом контексте является не только недостаточно изученной областью исследований, но также критически важной, требующей постоянного и повышенного внимания научной среды.

Использованные источники

1. Bardasi E., Sabarwal S., Terrell K. (2011). «How do female entrepreneurs perform? Evidence from three developing regions». *Small Business Economic*. Т. 37, No4, p. 417-441. – URL: <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000298393500003>
2. Bazarkulova, D., & Compton, J. (2021). «Gender Differences in Self-Reported Stress and Health Behaviors of Doctors in Kazakhstan During Covid-19». *Feminist Economics*, No27(1-2), p. 81-102. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13545701.2020.1853789>
3. Becker C. M. et al. (1998). «Maternal care vs. economic wealth and the health of newborns: Bishkek, Kyrgyz Republic and Kansas City, USA». *World Development*. Т. 26, No11, p. 2057-2072. – URL: <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000077788000010>
4. Bornmann, L., Haunschild, R., & Hug, S. E. (2018). «Visualizing the context of citations referencing papers published by Eugene Garfield: A new type of keyword co-occurrence analysis». *Scientometrics*. No114(2), p.427-437. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11192-017-2591-8>
5. Commercio, M. E. (2015). «The politics and economics of «retraditionalization» in Kyrgyzstan and Tajikistan». *Post-Soviet Affairs*. Т. 31, No6, p. 529-556. – URL: <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000361459100004>
6. Danzer, A. M. et al. (2014). «Showing off to the new neighbors? Income, socioeconomic status and consumption patterns of internal migrants». *Journal of comparative economics*. Т. 42, No1, p. 230-245. – URL: <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000333495300013>
7. Filmer, D., Friedman, J., Schady, N. (2009). «Development, modernization, and childbearing: The role of family sex composition». *The World Bank Economic Review*. Т. 23, No3, p. 371-398. – URL: <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000272840600002>
8. Janda, K., Turbat, B. (2013). «Determinants of the financial performance of microfinance institutions in Central Asia». *Post-Communist Economies*. Т. 25, No4, p. 557-568. – URL: <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000328107900008>
9. Kieran, C. et al. (2015). «Examining gender inequalities in land rights indicators in Asia». *Agricultural Economics*. Т. 46, NoS1, p. 119-138. – URL: <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000367554600009>
10. Kieran, C. et al. (2017). «Gender gaps in landownership across and within households in four Asian countries». *Land Economics*. Т. 93, No2, p. 342-370. – URL: <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000398649800009>
11. Lombardozi, L. (2022). «The marketisation of life: entangling social reproduction theory and regimes of patriarchy through women's work in post-Soviet Uzbekistan». *Review of International Political Economy*. No29(6), p. 1870-1893. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09692290.2021.1910063>
12. Linz, S. J., Chu, Y. W. L. (2013). «Work ethic in formerly socialist economies». *Journal of Economic Psychology*. Т. 39, p. 185-203. – URL: <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000328720500015>
13. Stender, S. (2020). «Trans fat in foods in Iran, South-Eastern Europe, Caucasia and Central Asia: a market basket investigation». *Food Policy*. Т. 96, p. 101877. – URL: <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000582928000009>
14. Soosaraei, M., Khasseh, A. A., Fakhar, M., & Hezarjaribi, H. Z. (2018). «A decade bibliometric analysis of global research on leishmaniasis in Web of Science database». *Annals of medicine and Surgery*. No26, p. 30-37. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2049080118300050?via%3Dihub>
15. Thiri, M. A., Villamayor-Tomás, S., Scheidel, A., & Demaria, F. (2022). «How social movements contribute to staying within the global carbon budget: Evidence from a qualitative meta-analysis of case studies». *Ecological Economics*. No195, p. 107356. – URL: <https://ideas.repec.org/a/eee/ecolect/v195y2022ics0921800922000180.html>
16. Van Eck, N. J., & Waltman, L. (2022). «VOSviewer manual. Manual for VOSviewer version 1.6.18». Leiden, Univeriteit Leiden.
17. Waltman, L., Van Eck, N. J., & Noyons, E. C. (2010). «A unified approach to mapping and clustering of bibliometric networks». *Journal of informetrics*. No4(4), p. 629-635. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1751157710000660?via%3Dihub>
18. Zyoud, S. E. H., Sweileh, W. M., Awang, R., & Al-Jabi, S. W. (2018). «Global trends in research related to social media in psychology: mapping and bibliometric analysis». *International Journal of Mental Health Systems*. No12(1), p. 1-8. – URL: <https://ijmhs.biomedcentral.com/articles/10.1186/s13033-018-0182-6>

19. Котлова, Т. Б., & Рябова, Т. Б. (2001). «Библиографический обзор исследований по проблемам гендерных стереотипов». *Женщина в российском обществе*. №(3-4), с. 25-38. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_11670521_52463204.pdf
20. Здравомыслова, Е. А., & Темкина, А. А. (1999). «Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России». *Общественные науки и современность*. №6, с. 177-185. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32771215>
21. Dehdarirad, T., Villarroya, A., & Barrios, M. (2015). «Research on women in science and higher education: a bibliometric analysis». *Scientometrics*. No103(3), p. 795-812. – Режим доступа: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11192-015-1574-x>
22. Tsay, M. Y., & Li, C. N. (2017). «Bibliometric analysis of the journal literature on women's studies». *Scientometrics*. No113(2), p. 705-734.
23. Береника, М. Вебстер. (2001). «Польские женщины в науке: библиометрический анализ польской науки и ее публикаций, 1980–1999 гг.». *Оценка исследований*. Т. 10, вып. 3, декабрь, с. 185-194. – Режим доступа: <https://doi.org/10.3152/147154401781776999>
24. Raman, R., Subramaniam, N., Nair, V. K., Shivdas, A., Achuthan, K., & Nedungadi, P. (2022). «Women entrepreneurship and sustainable development: bibliometric analysis and emerging research trends». *Sustainability*, No14(15), p.9160. – URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/14/15/9160>
25. URL: <https://www.currenttime.tv/a/kyrgyzstan-asia-women-rights/31532564.html> - (23.12.2022)
26. URL: <https://www.vosviewer.com/> (23.12.2022)
27. URL: <https://www.webofscience.com/wos/woscc/citation-report/51651a4f-545d-44cb-be01-3b8da4b4d7c2-6696fd98> (23.12.2022)

АВТОРУ ПУБЛИКАЦИИ

Научный экономический журнал «Реформа» включен в специализированную информационную систему «Российский индекс научного цитирования» (Национальная информационно-аналитическая система, аккумулирующая информацию о публикациях и цитированиях российских авторов из системы eLIBRARY.RU) и EBSCO Publishing (Информационная база данных - крупнейший поставщик научных ресурсов ведущих издательств мира).

Журнал входит в Перечень научных журналов ВАК Кыргызской Республики, в которых публикуются основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Общие требования к оформлению и содержанию направляемых для публикации материалов

1. Статьи должны соответствовать тематике журнала, носить аналитический, а не описательный характер; рассматриваемые вопросы должны быть научно значимыми и актуальными.
2. Позиция автора должна быть аргументирована и логически выдержана.
3. Заглавие должно полностью отвечать содержанию статьи.
4. В статье необходимо приводить ссылки как на литературные источники, так и на источники приведенных в ней статистических данных.
5. В журнале не публикуются материалы, содержащие элементы плагиата и любого другого несанкционированного использования объектов чужой интеллектуальной собственности.
6. Поступившие в редакцию статьи проходят анонимное рецензирование.

Технические требования к оформлению статей

Редакция принимает статьи в электронном виде на кыргызском, русском, английском и турецком языках. Для этого автор должен зарегистрироваться на платформе DergiPark (<https://dergipark.org.tr/tr/>).

Текст статьи набирается в редакторе Word, на листах формата А4, шрифтом Times New Roman, кеглем № 12, с автоматическими переносами, междустрочный интервал – полуторный. Поля: слева и справа, снизу и сверху – по 2 см. Рисунки должны быть обязательно сгруппированные или встроенные в объект (рисунок MS Word). Сложные формулы выполняются при помощи встроенного в WinWord редактора формул MS Equation. Порядковый номер формулы указывается в круглых скобках (1) и размещается с выключкой вправо. Таблицы и рисунки вставляются в текст после первого упоминания о них в тексте. Все таблицы и рисунки должны иметь названия и быть пронумерованы. Все используемые в тексте аббревиатуры следует расшифровывать, а новые неизвестные термины – пояснять. Объем статьи в пределах 5-15 страниц.

В каждой научной статье, направляемой в журнал, должны быть указаны:

1. **Сведения об авторе (авторах)** на русском, кыргызском, английском языках:
  - фамилия, имя, отчество полностью;
  - полное название организации – места работы каждого автора, страна, город. Если все авторы статьи работают в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно;
  - ученая степень, ученое звание, кем работает автор;
  - адрес электронной почты каждого автора и персонифицированный номер ORCID;
  - контактный телефон для связи с авторами статьи (можно один на всех авторов).
2. **УДК.**
3. **Название статьи** на русском, кыргызском, английском языках.
4. **Аннотация** на русском, кыргызском, английском языках.

Аннотация включает характеристику основной темы, проблемы объекта, цели работы, метод исследования и его результаты. В аннотации указывают, что нового несет в себе данное исследование в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению.

Рекомендуемый объем аннотации – 500 печатных знаков.

5. Ключевые слова на русском, кыргызском, английском языках, через точку с запятой.

6. Статьи, написанные на турецком языке, должны содержать авторские данные, название статьи, аннотацию и ключевые слова на турецком, русском, кыргызском и английском языках.

7. Резюме статьи на английском языке – 1000 печатных знаков.

8. Список литературы

Библиографический список использованных источников, примечания приводятся в конце статьи в порядке упоминания их в тексте. Ссылки оформляются в соответствии со стилем APA (American Psychological Association).